

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Дух любви

PREMIUM

Азбука Premium

Дафна Дюморье

Дух любви

«Азбука-Аттикус»

1931

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дюморье Д.

Дух любви / Д. Дюморье — «Азбука-Аттикус»,
1931 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-13996-1

«Дух любви» (1931) – первый роман замечательной английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989). Его сюжет разворачивается на фоне захватывающих пейзажей Корнуолла, ставшего для Дюморье второй родиной, а также местом действия и других ее знаменитых романов: «Трактир „Ямайка“», «Ребекка», «Королевский генерал», «Моя кузина Рейчел»... «Дух любви» – это семейная сага о четырех поколениях корнуоллской семьи Кумбе, владеющей корабельной верфью. История этой семьи, полная печалей и радостей, взаимной любви и ненависти, охватывает сто лет, с тридцатых годов XIX века до тридцатых годов XX века. Впоследствии Дюморье признавалась, что верит в духовную связь поколений, и именно об этом ее первый роман – о странной связи, неподвластной времени и смерти, соединяющей родственные души, которые несут бремя беспокойства и страдания, томления по красоте и свободе, но обретают покой лишь друг в друге.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13996-1

© Дюморье Д., 1931
© Азбука-Аттикус, 1931

Содержание

Книга первая	7
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Глава девятая	42
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	57
Глава тринадцатая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дафна Дюморье Дух любви

Daphne du Maurier
THE LOVING SPIRIT

Серия «Азбука Premium»

Copyright © Daphne du Maurier, 1931

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
LLC

© Н. Тихонов (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

7

Глава первая

Джанет Кумбе стояла на холме над Плином и смотрела вниз на гавань. Солнце давно вошло, но утренний туман еще окутывал маленький город, придавая ему сказочное очарование, словно некий призрак благословил его своим прикосновением. Влекомая отливом вода покидала гавань и сливалась с невозмутимо гладкой поверхностью моря. Ни единое заплутавшее облако, ни единый порыв случайно налетевшего ветра не нарушали безмятежной красоты молочно-белого неба. Одинокая чайка, распластав широкие крылья, на мгновение застыла в воздухе, затем с неожиданным криком нырнула вниз и утонула в клубящемся над морем тумане. Джанет Кумбе казалось, что этот холм и есть ее истинный мир, маленькая планета, где для нее нет никаких тайн, место, где рассеиваются тревожные мысли и томление сердца, а душа обретает покой и исцеление. Белесый туман скрыл под собой все повседневные заботы и сомнения, а с ними и мелкие обязанности и однообразные дела простого люда. Здесь, на вершине холма, не было ни тумана, ни призрачных теней и лучи утреннего солнца струили ласковое тепло.

Здесь была свобода, которой так не хватало в Плине, свободой дышали само небо и море, как дышат ею веселое кружение осенних листьев и робкое трепетание птичьих крыл. В Плине приходилось все время выполнять чьи-нибудь поручения, с утра до вечера заниматься работой по дому, помогать здесь, помогать там, ободрять близких приветливым словом, и боже упаси ждать его в ответ. Вскоре ей предстоит стать женщиной – так сказал священник. Возможно, это ее изменит. Ее ждут горести и новые радости, но если в ней живет вера в Бога, Отца нашего Небесного, то в иной жизни она познает мир и узрит небеса. Надо следовать этим праведным словам, пусть дорога к небесам и кажется такой трудной и длинной и многие из ступивших на нее пали в пути и погибли за свои грехи.

Конечно, священник говорил правду, хоть и словом не обмолвился о многих прекрасных вещах, дорогих ее сердцу. Один лишь Бог достоин великой любви. Здесь, на холме, важные овцы холодными ночами, чтобы согреться, спали, прижавшись друг к другу, и мать оберегала малышей от вороватой лисы, которая таится в тени кустов, – даже высокие деревья тянутся друг к другу ветвями, ища утешения.

Но ни одно из этих существ не знает любви к Богу – так сказал священник.

Возможно, ему неведома истина о каждой птице, звере или цветке, неведомо, что они так же бессмертны, как люди.

Джанет опустила на колени около ручья и коснулась пальцами бледно-желтой примулы, одиноко растущей у самой воды. С ветки над головой Джанет с криком взлетел дрозд, осыпав ее голову белыми лепестками. Пламенеющие в лучах солнца кусты утесника наполнили воздух сладким запахом меда и свежей росы.

Сегодня Джанет Кумбе идет под венец. Ее матушка уже готовит стол к приему гостей, а сестры с благоговейным трепетом раскладывают на кровати подвенечное платье. Скоро зазвонят колокола Лэнокской церкви и они с кузеном Томасом, ее дорогим нареченным, встанут у алтаря и соединят свои жизни пред взором Всевышнего. Томас, с подобающей почтительностью опустив глаза, будет слушать слова священника, но она сама, Джанет это хорошо знала, взглядом последует за солнечным лучом, льющим в окно церкви, а сердцем умчится к безмолвным холмам.

Обряд венчания покажется ей таким же смутным и нереальным, как окутанный утренним туманом Плин, и она при всем желании не сможет заставить себя слушать священника, поскольку будет в совсем другом месте. Это не отзывается на призыв священника ее душа, грешная и заблудшая, какой она была всегда, с самого детства, с тех пор, когда малютка Джанет сидела на материнских коленях.

Ее благонравные сестры исправно ходили в школу, прилежно учились шить и читать, она же прогуливала занятия, убегая на берег за гаванью. Подолгу стояла на высоких осыпавшихся скалах или в развалинах старого Замка и следила за бурными парусами пенливинских люггеров², скользящими на далеком горизонте.

«Господи, пожалуйста, сделай меня мальчиком, пока я еще не выросла», – молила крохотная девочка с кудрявыми волосами до плеч. Мать бранила ее и даже наказывала за буйные мальчишеские повадки, но все было напрасно. Ей бы следовало поберечь розги для других целей.

Джанет выросла высокой и стройной, как юноша, у нее были крепкие руки, бесстрашный взгляд и любовь к морю в крови. Но при всем том душой она была девушка, с нежностью относилась к животным и всем слабым, беззащитным существам, придирчиво следила за своей одеждой, никогда не забывала приколоть к корсажу цветок и расчесать черные волосы так, чтобы они не закрывали лоб. По воскресным дням мужчины поджидали ее у ворот отцовского дома с предложениями прогуляться к скалам, они стояли, неуклюже перебирая пальцами, потупив свои глупые, бараньи глаза и едва ворочая языком. Но Джанет лишь смеялась в ответ и озорно вскидывала голову.

Разумеется, она была не прочь погулять с парнями, когда могла бегать вместе с ними, перепрыгивать через живые изгороди, – ей нравилось, когда те восхищались ее сноровкой; но на виду у всей округи чинно ходить, держась за руки, как парочка влюбленных... Скоро она обвенчается, у нее будет муж, дом, за которым надо присматривать, неудобная длинная юбка вокруг ног и опрятный, respectable капор на голове.

Ей нужен мужчина, а не увалень-подросток, от которого слова дельного не дождешься и который не способен ни на что лучшее, как вертеться вокруг тебя в надежде на нежный взгляд и ласковое слово. Так рассуждала Джанет, когда ей минуло восемнадцать лет и когда ее сестры только и думали что о лентах в волосах да поверх псалтыри засматривались в церкви на мужчин.

Джанет с презрением относилась к их уловкам, хоть и сама не с большим вниманием слушала слова священника – ведь мысли ее уносились за море, туда, где корабли плыли под парусами в чужие земли и дальние страны.

Она часто забредала на корабельную верфь у подножия Плинского холма за гаванью. Хозяином верфи был ее дядюшка; она была еще невелика, но быстро развивалась и росла с каждым годом. К тому же дядюшке помогал его трудолюбивый племянник, молодой Томас Кумбе, троюродный брат Джанет.

Кузен Томас был серьезным, основательным молодым человеком, ездил учиться в Плимут, и его спокойные, сдержанные манеры произвели должное впечатление как на дядю, так и на ленивых бездельников, работавших на верфи.

Возможно, недалеко то время, когда фирма займется более сложными и серьезными работами, чем строительство рыбачьих люггеров. Молодой Томас станет партнером владельца, и после смерти дядюшки дело перейдет к нему.

Он был статный мужчина, этот кузен Томас, умел поговорить и, уж если на то пошло, был довольно хорош собой. На ухаживания и прогулки к скалам по воскресеньям у него не было времени, но, несмотря на это, Джанет ему приглянулась, и он нередко подумывал про себя, что из нее выйдет прекрасная жена, достойная спутница жизни для любого мужчины.

И молодой Томас стал по вечерам навещать в их дом поговорить с отцом и матерью Джанет, но мысли его тем временем были заняты ею.

² Люггер – небольшое двух- или трехмачтовое судно с так называемыми люггерными парусами. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Ему виделись дом на склоне Плинского холма, увитый плющом, с окнами на гавань, и Джанет, которая с малышами на коленях ждет его возвращения с работы.

Он ждал целый год, прежде чем открыться Джанет, ждал, пока она не признает его за члена своей семьи, не почувствует к нему доверия, а также и уважения.

Вскоре после того, как ей исполнилось восемнадцать лет, он сказал ее отцу и матери о своем желании видеть Джанет своей женой. Они были очень довольны, ведь Томас быстро завоевывал положение в Плине, а о таком честном и умеренном в привычках зяте любые родители могли только мечтать.

Однажды вечером он пришел к ним и спросил, нельзя ли поговорить с Джанет наедине.

По лестнице она спустилась бегом, в опрятном платье, скотом на груди брошкой; ее темные волосы были расчесаны на прямой пробор.

– Ах, кузен Томас, – воскликнула она, – вы сегодня так рано, и ужин еще не готов, да и компанию вам, кроме меня, некому составить!

– Да, Джанет, – спокойно ответил Томас, – и пришел я по одному делу, с вопросом, который хочу задать именно вам.

Джанет вспыхнула и бросила взгляд на окно. Не об этом ли деле несколько дней назад украдкой шепнули ей сестры, а она рассмеялась и велела им замолчать.

– Говорите, кузен Томас, – сказала она, – может быть, мне будет не слишком трудно вам ответить.

Тогда он взял Джанет за руку и подвел ее к стулу перед очагом.

– Целый год я регулярно приходил в ваш дом и наблюдал за вами, прислушивался к вашим словам. То, что я собираюсь вам сказать, родилось не в спешке, не в результате буйного порыва. За тот год, что я вас знаю, я полюбил вас за ваше правдивое сердце, за простоту и сейчас чувствую, что должен высказать все начистоту. Должен сказать, что хочу, чтобы вы стали моей женой, Джанет, хочу, чтобы вы разделили со мной мой дом и мое сердце. Я всю жизнь буду работать ради того, чтобы вы жили в мире и довольстве, Джанет.

Она задумалась, позволив своей руке задержаться в его ладони.

Совсем недавно превратилась она из ребенка в девушку, но ей уже надо стать женщиной, стать навсегда. И уже никогда больше не бегать, подоткнув юбки, по скалам, не бродить среди овец по холмам. Теперь ее ждут заботы о доме, о близком ей мужчине и, возможно, со временем, если на то будет воля Божия, о детях, которые появляются после замужества.

В этой мысли было нечто такое, что тронуло ее душу, подобно воспоминанию о давнем сне или о чем-то забытом: проблеск знания, скрытого от людей в часы бодрствования, но вдруг неожиданно пробуждающегося, словно едва внятный зов, с трудом различимый шепот.

Джанет с улыбкой на губах обернулась к Томасу:

– Я очень горжусь честью, которую вы мне оказали, Томас, ведь я понимаю, что не слишком умна, да и вообще недостойна такого человека, как вы. Но все равно любой девушке страшно приятно собственными ушами слышать, что есть тот, кто будет ее любить и баловать. И если вы хотите взять меня в жены, Томас, если готовы терпеть мои повадки – временами я бываю ужасно буйной, – то я буду счастлива разделить с вами ваш дом и заботиться о вас.

– Джанет, дорогая, сегодня в Плине нет мужчины, у которого было бы больше причин для гордости, чем у меня, и наверняка не будет до того самого дня, когда я в первый раз усажу вас перед нашим общим очагом.

Он встал со стула и прижал ее к себе.

– Раз все решено и мы поженимся, да и с родителями вашими я разговаривал вчера вечером, и они согласны, то, думаю, не будет беды, если я вас поцелую.

Джанет на мгновение задумалась – она еще ни разу не целовалась ни с одним мужчиной, кроме собственного отца.

Она положила обе руки на плечи Томаса и подставила ему свое лицо.

– Даже если это и неприлично, ну и пусть, – сказала она ему некоторое время спустя, – ведь это очень приятно.

Так Джанет обручилась со своим кузеном Томасом Кумбе из Плина, что в графстве Корнуолл³, в году 1830 от Рождества Христова, и было ему двадцать пять лет, ей же только что исполнилось девятнадцать.

Туман рассеялся, и Плин больше не был обиталищем теней. Из гавани доносились голоса, чайки ныряли в воду, люди стояли в дверях домов.

Все еще оставаясь на вершине холма, Джанет смотрела на море, и ей казалось, что душа ее разрывается надвое: одна ее часть хотела быть женой, хотела заботиться о муже и нежно его любить, другая жаждала слиться с кораблем, слиться с морем и высоким небом, быть радостной и свободной, как чайка.

Джанет обернулась и увидела, что по склону холма к ней поднимается Томас. Она улыбнулась и побежала ему навстречу.

– Наверное, грешно встречаться с мужем утром перед свадьбой, – сказала она. – Мне следовало бы быть дома и собираться в церковь, а не стоять здесь, на холме, и держать тебя за руку.

Томас заключил ее в объятия.

– Нас могут увидеть, но я не в силах удержаться, – прошептал он. – Джени, я так тебя люблю.

В поле бродили овцы, в воздухе витал сладкий аромат утесника.

Когда же зазвонят колокола Лэнокской церкви?

– Как непривычно думать, что мы больше никогда не расстанемся, Томас, – сказала она. – Ни ночью, ни днем. Когда ты станешь работать, а я заниматься домом, мыслями мы все время будем вместе.

Она положила руку ему на плечо.

– Томас, быть мужем и женой – это очень серьезно?

– Да, любимая, но святые узы брака благословил сам Господь, и не нам Ему перечить. Так сказал мне священник. Он много чего объяснил мне, ведь я боялся, что кое-что покажется мне слишком хлопотным и трудным. Но я всегда буду относиться к тебе по-доброму, Джени.

– Наверное, иногда нам будет не хватать терпения, мы станем ворчать друг на друга, и ты пожалеешь, что женился, тебе захочется снова стать холостяком.

– Нет, никогда, никогда!

– Забавно, Томас, что вся наша жизнь пройдет здесь, в Плине. Ни ты, ни я никогда не увидим дальних стран, как некоторые. Наши дети вырастут подле нас, потом женятся, а за ними и их дети. Мы состаримся, и потом обоих нас похоронят на Лэнокском кладбище. Это похоже на то, как цветы летом раскрывают лепестки и птицы с первыми опавшими листьями улетают на юг. А сейчас, Томас, мы стоим здесь, ничего об этом не зная и даже не задумываясь.

– Грешно говорить о смерти и будущей жизни, Джени. Все в руке Божией, и нам не пристало задаваться такими вопросами. Я хочу думать не о детях наших детей, а о нас самих и о том, что сегодня мы поженимся. Я очень люблю тебя, Джени.

Она прижалась к Томасу, и ее взгляд устремился вдаль.

– Через сто лет, Томас, здесь будут стоять двое других, как сейчас стоим мы, и будут они кровь от нашей крови и плоть от нашей плоти.

Джанет дрожала в объятиях Томаса.

³ Корнуолл – полуостров на юго-западе Великобритании, омываемый проливом Ла-Манш и Бристольским заливом.

– Ты говоришь странные и сумасбродные вещи, Джени. Перестань думать о том времени, когда нас не будет, и подумай о нас самих.

– Я боюсь вовсе не за себя, – прошептала она, – а за тех, кто придет после нас. Может быть, там, далеко-далеко впереди, есть много живых существ, которые будут зависеть от нас. Те, кто будет стоять на вершине Плинского холма под утренним солнцем.

– Если тебе страшно, Джени, отыщи священника и попроси его успокоить твою душу. Он лучше знает, оттого что по ночам читает Библию.

– Томас, нас спасет не Библия, не слова священника, не мои постоянные молитвы Богу, не знание повадок птиц и зверей, не часы, что мы проведем, стоя на залитом солнцем холме и слушая тихий плеск воды, не дивный вид окутанного туманом Плина, хотя все это мне очень дорого.

– Тогда что же нас спасет, Джени?

– Люди знают много слов и произносят их, но я сердцем чувствую, что только одно имеет значение – это наша любовь друг к другу и к тем, кто придет после нас.

Они стали молча спускаться с холма.

В дверях дома, поджидая их, стояла мать Джанет.

– Где вы были? – спросила она. – Так не принято, Томас, неприлично разговаривать с той, кто идет с тобой под венец, до того, как ты встретишь ее в церкви. А ты, Джанет? Мне стыдно, что в утро перед свадьбой ты бегаешь по холму в старом платье. В твоей комнате сестры давно дожидаются, чтобы одеть тебя; скоро придут люди, а ты еще не готова. Уходи, Томас, и ты, Джанет, тоже.

Джанет поднялась в маленькую комнату, в которой жила вместе с двумя сестрами.

– Поторопись, Джанет! – воскликнули они в один голос. – Где это видано, чтобы в такой день девушка попусту теряла время.

Дрожащими от волнения пальцами они разглаживали белое платье, которое лежало на кровати.

– Подумать только, что через два часа тебя обвиняют и ты станешь женщиной, Джени. На твоём месте я бы просто лишилась голоса. Сегодня ночью ты будешь рядом с кузеном Томасом, а не здесь с нами. Тебе не страшно?

Джанет подумала и отрицательно покачала головой:

– Если любишь, то бояться нечего.

Сестры надели на нее подвенечное платье и прикололи к волосам вуаль.

– Ах, Джени, ты настоящая королева. – И они поднесли к ее лицу маленькое треснутое зеркальце.

Из зеркала на нее смотрело совершенно незнакомое лицо. Не прежняя сумасбродная Джанет, готовая целыми днями бродить по морскому берегу, но бледная, спокойная девушка с серьезными темными глазами.

С лестницы послышался голос матери:

– Ты упадешь в обморок, если не поешь. Скорее спускайся.

– Я не хочу есть, – сказала Джанет. – А вы обе ступайте и дайте мне немного побыть одной.

Она подошла к окну, опустилась перед ним на колени и стала смотреть на далекий горизонт за гаванью. Странные чувства переполняли ее сердце, но она не могла ни назвать их, ни определить. Она горячо любила Томаса, но знала, что в глубине ее души живет ожидание чего-то большего, чем любовь к нему. Нечто могучее и первозданное, осиянное непреходящей красотой.

Настанет день, и оно придет, но не сегодня, не завтра.

Над холмом поплыл тихий звон колоколов Лэнокской церкви, пронизывая морской воздух; он становился все громче.

– Джени, где ты запропастилась?

Она поднялась на ноги, отошла от окна и стала спускаться к ожидающим внизу гостям.

Глава вторая

Могло показаться, что с замужеством Джанет Кумбе очень изменилась. Она стала спокойнее, задумчивей, отказалась от бывшей своевольной привычки бегать по холмам. Мать и соседки сразу это заметили и, обсуждая перемены в ее характере, улыбались и пересыпали свои речи поучительными замечаниями: «Что значит быть мужней женой! Конечно, она изменилась, разве это не естественно? Теперь она женщина и хочет лишь того, о чем просит муж. Только так и можно совладать с девушкой вроде Джанет, чтобы она и думать забыла обо всяких там морях, холмах и прочем вздоре. Это молодой Томас нашел способ остудить ей голову».

В чем-то эти слова были не лишены смысла, поскольку замужество и Томас принесли Джанет блаженный мир и довольство, прежде ей неведомые и непонятные. Словно Томас обладал властью смягчить своей любовью и заботой все тревожные мысли и беспокойные чувства.

Но то было всего лишь следствие их близости, которая изменила Джанет только внешне, но никак не повлияла на ее мятущийся дух.

Он заснул и успокоился на время, пока она всем своим существом переживала впервые познанные ею гордость и радость. Она забыла про холмы и гавань, перестала любоваться кораблями в далеком море и целыми днями занималась своим домом. Для их жилища Томас выбрал славное место – тот увитый плющом дом, что стоял особняком вдали от любопытных глаз соседей. Был там и сад, где Томас по вечерам любил отдыхать вместе с Джанет, сидевшей рядом с рукодельем. Ушло в прошлое то время, когда она вечно рвала и пачкала платья о просмоленные, грубо оструганные лодки, теперь она заботилась об одежде Томаса, чинила ее, а порой шила занавески для их уютной гостиной.

Про себя она не переставала удивляться тому, что так любит их дом и так им гордится. А ведь сколько раз она дразнила и поднимала на смех сестер: «Ах нет, я не из тех, кто выходит замуж и тратит все свое время на дом. Мне надо было родиться парнем и водить корабли».

Но теперь в Плине вряд ли нашелся бы дом такой же чистенький и ухоженный, как у Джанет, и на недоуменные вопросы сестер она вскидывала голову и язвительно отвечала: «Да, смейтесь, смейтесь, но у меня есть и собственный дом, и муж, который работает ради меня, тогда как у вас нет ничего, кроме льстивых парней, которые по воскресеньям выгуливают вас по тропинке между скалами. Так и вижу, – говорила она, – как вы зеваете от их глупых слов, я же тем временем сижу у своего камина рядом с Томасом».

Послушать ее, так и впрямь никогда не было жилища, равного их Дому под Плющом, с его чисто выметенными комнатами, просторной спальней над крыльцом, комнатой «про запас» и аккуратной кухней. Гордилась она и своей стряпней, поскольку обнаружила, что заниматься ею не менее увлекательно, чем гулять по заросшим вереском холмам. Ее шафрановый кекс не хуже, чем у матери, так заявил Томас, и сердце его билось сильнее от гордости за жену.

– Я даже думаю, Джени, что он гораздо лучше. Таких воздушных кексов, как твои, я точно никогда не пробовал! В них чувствуется легкая рука.

Джанет спрятала улыбку и отвела глаза.

– Ты все время мне льстишь, чтобы подлизаться. – Она сделала вид, будто не верит ему. – И любишь ты мои кексы, а вовсе не меня.

Томас встал из-за стола, взял в руки ее лицо и целовал его до тех пор, пока у Джанет не перехватило дыхание.

– Прекрати, Томас, сейчас же прекрати.

Он вздохнул и убрал руки:

– Я ужасно люблю тебя, Джени.

В темноте, когда Томас спал, она прижималась щекой к его щеке. Она любила мужа за его силу, за нежность, за особенную серьезность, когда он бывал не в духе, за те мгновения, когда он, боясь самого себя, прижимался к ней, как неуклюжий ребенок.

– Ведь мы навсегда вместе, Джени, ты всегда будешь моей? Шепни, что это правда, мне так сладко слышать эти слова.

И она нашептывала их ему на ухо, прекрасно зная, что до самой смерти будет ему любящей, верной женой, но зная и то, что ее ждет любовь еще большая, чем эта. Ей было неизвестно, откуда она появится, но она была здесь, за холмами, и таилась до той поры, когда Джанет будет готова к ней.

Тем временем прошли первые недели, они притерлись друг к другу, Джанет привыкла, что Томас всегда рядом, свыклась с его постоянным желанием их близости.

По утрам она целиком отдавалась заботам по дому и, если у Томаса было много работы, относила обед к нему на верфь и, пока он ел, сидела рядом.

Она любила огромные стволы старых, хорошо высушенных деревьев, ждущих, когда их распилят на доски, любила рассыпанные по земле стружки, запах новых канатов, смолы и грубо сколоченных, еще не обретших форму судов. И она невольно задумывалась о том, что придет время и эти доски превратятся в живых существ; вместе со своим спутником ветром они будут бороздить моря и, возможно, доберутся до самых далеких уголков мира, а она так и останется обычной женщиной из Плина, у которой только и есть что дом да муж. Она старалась прогнать эти мысли, которые могли волновать былую, необузданную Джанет, но не пристали жене Томаса Кумбе. Она не должна забывать, что теперь на ней ситцевое платье и опрятный передник, а вовсе не драная юбка для ползания по скалам под развалинами старого Замка. Иногда днем она надевала капор и поднималась по Плинскому холму навестить дом своей матери, где ее ждал чай, сервированный в гостиной, и соседки, заглянувшие поболтать и отведать кекса.

Джанет было непривычно, что к ней относятся как к женщине, как к своей, ведь еще совсем недавно ее осуждали и корили за неподобающие девушке манеры. Сколько раз, зажимая рот платком, чтобы не рассмеяться, подглядывала она сквозь замочную скважину в двери гостиной и прислушивалась к болтовне соседок! И вот она одна из них. Сидит точно аршин проглотила, с блюдцем и чашкой в руках, осведомляется о ревматизме миссис Коллинз и в унисон со всеми качает головой, слушая рассказ о возмутительном поступке Олби Треваса, который навлек на девушку неприятности на сеновале Полмирской фермы.

– Похоже, нынче молодые люди не уважают ни себя, ни других, – сказала миссис Роджерс. – Целыми днями бегают невесты куда, смеются, занимаются тем, что и назвать-то стыдно. У парней и в мыслях нет, как положено, дожидаться свадьбы, да и у девушек тоже. Вам бы на коленях молить Бога, миссис Кумбе, да благодарить Его за то, что у вашей дочери все обошлось благополучно. – И, обернувшись к Джанет: – Ведь твоя беготня, когда ты была девушкой, страх как пугала твою матушку, разве не так?

– Благодарю вас, миссис Роджерс, – сказала мать Джанет, – но моя Джени, слава богу, никогда не позволяла парням лишних вольностей.

– Нет, никогда, – заявила Джанет с подобающим молодой жене негодованием.

– Может, и нет, может, и нет, я же не говорю, что ты позволяла себе что-то такое, дорогая. Теперь ты замужем и можешь выполнять любые желания мужа, не боясь Божьего гнева. Говорю тебе, удержать мужа можно только потакая ему, а забыв об этом, ты вскоре услышишь, что твой Томас ухлестывает за какой-нибудь фермерской девчонкой, совсем как молодой Олби Тревас. И вам это может очень не понравиться, миссис Кумбе.

Джанет презрительно покачала головой.

Что бы они ни говорили про Томаса, можно не сомневаться: во всем Корнуолле не найти мужчины более спокойного и рассудительного.

Она держала рот на замке и не отвечала на излишне откровенные вопросы, которые они ей задавали. Так уж повелось, что жители Плина должны были знать абсолютно все о делах соседей, и часами не прекращавшиеся расспросы доводили до изнеможения очередную жертву.

– Дорогая, если утром ты почувствуешь тошноту и головокружение, немедленно сообщи своей матушке, – посоветовала одна соседка, осматривая Джанет с ног до головы – ни дать ни взять как свиноматку в базарный день.

– А коли ты сразу почувствуешь, что под сердцем у тебя что-то есть, то это наверняка мальчик, – сказала другая.

– Благодарю вас, но я сама могу о себе позаботиться, без чьих-либо советов, – возразила Джанет, которой были отвратительны их навязчивые уловки.

Казалось, даже Томаса беспокоило здоровье жены.

– Сегодня ты что-то слишком бледна, Джени, – как-то раз сказал он, – может быть, ты устала и тебе не по себе. Ведь ты скажешь мне, дорогая, если что не так?

Казалось, ему очень хочется, чтобы она это признала, и вместе с тем он боялся услышать ответ.

– Да, милый, когда придет время, я ничего от тебя не скрою, – устало ответила Джанет.

Последнее время она действительно чувствовала усталость, порой ее тошнило, но она думала, что это пустяки и все скоро пройдет. Однако Томас разбирался в таких делах лучше ее. Он прижимал Джанет к себе и зарывался лицом в ее длинные черные волосы.

– Я был очень горд и доволен, Джени, когда женился на тебе, но у меня и в мыслях не было, что впереди нас ждет еще большее счастье. Я так и вижу, как мы сидим у камина с нашим мальчиком на коленях.

Джанет улыбнулась и взяла его лицо в ладони:

– Я рада, что ты доволен, очень рада.

Вскоре весь Плин облетела весть о том, что Джанет Кумбе «в интересном положении».

Мать Джанет говорила об этом таким тоном, будто все это дело ее рук, а сестры уже выбрали белую шерстяную ткань с мелким рисунком, чтобы сшить из нее одежду для малыша.

Томас напевал за работой на верфи, улыбался, но при этом со свойственной ему серьезностью думал о будущем. Скоро у него будет сын, со временем мальчик станет работать рядом с ним, научиться держать в руках пилу и отличать хороший строевой лес от плохого. В том, что у него родится сын, Томас не сомневался.

Джанет не совсем понимала, отчего вокруг такого маленького существа подняли столько шума и суеты, ведь, слушая ее мать и Томаса, можно было решить, что раньше детей и вовсе не существовало.

Сама она не знала, как к этому отнестись. Ведь вполне естественно, что, когда люди женятся, появляются дети, и одевать ребенка, заботиться о нем – такое непривычное и приятное занятие. Радовало ее и то, что Томас очень доволен. Вечерами она часто полулежала перед камином в кресле-качалке – приближалась зима, и ночами становилось холодно, – а Томас сидел рядом и не сводил с нее ласкового взгляда.

В доме царили мир и покой, и оставшиеся за окнами холодный дождь, покрытые мокрым туманом холмы, рев морских волн в гавани не тревожили ее мыслей. На душе у Джанет было легко и безмятежно; несмотря на жуткие рассказы, которыми соседки терзали ей уши, родовых болей она не боялась. И не было в Плине дома более счастливого, чем дом ее и Томаса.

Иногда по вечерам он читал ей Библию низким, серьезным голосом, предварительно проговаривая про себя по буквам наиболее трудные слова.

– Забавно думать обо всех этих людях, которые породили друг друга, а затем выстроились в цепочку через целые века, – задумчиво говорила она, раскачиваясь в кресле-качалке. – Огромная ответственность лежит на тех, кто имеет детей. Ведь сказано же в Библии: «Навеки умножу семья твое». Томас, как из нашей любви родятся люди, которым не будет числа?

– Дорогая, перестань тревожиться понапрасну. Ты все время думаешь о том, что будет через сто лет, все это суший вздор. Подумай лучше о младенце, который у нас скоро появится. По-моему, этого вполне хватит для твоей головки.

– Не знаю, Томас. Пути любви и смерти неисповедимы. Люди умирают, ну и тому подобное.

– Но, Джени, пастор говорит, что истинно верующие идут прямо к Богу и Его ангелам.

– А что, если они оставляют тех, кого любят, оставляют слабых и беззащитных, тех, у кого нет сил самим справляться с тяготами этого мира?

– Бог о них позаботится, Джени.

– Но, Томас, нельзя жить в блаженном покое на небесах, если горюешь по своим любимым, которые остались внизу. Подумай о тех, кто будет звать нас и молить о помощи.

– Тебе не следует думать о таких ужасных вещах, дорогая. Библия говорит правду. Счастье на небесах недоступно нашему пониманию. Люди вкушают там неземной покой и не задумываются о грешном мире.

Вокруг дома бушевал ветер, он вздыхал и стучался в окна, мрачно выл, как не находящее покоя привидение. Затем ветер смешался с дождем, и ночной воздух наполнился горестными рыданиями. Внизу под скалой морские волны с грохотом разбивались об огромные камни. Деревья гнулись под ветром, и с их ветвей осыпались последние мокрые листья.

Томас плотнее задернул шторы и подвинул кресло-качалку поближе к камину.

– Согрейся, любовь моя, и не обращай внимания ни на ветер, ни на дождь.

Джанет закутала плечи шалью и стала следить за танцующим в камине огнем.

– Я не останусь на небесах и не упокоюсь здесь, в могиле. Мой дух будет витать рядом с теми, кого я люблю, и когда им будет трудно, когда они вдруг устроятся самих себя, я приду к ним; и сам Господь меня не остановит.

Томас, вздохнув, закрыл Библию и поставил ее на полку в углу комнаты.

Не стоит корить Джанет за ее слова, ведь женщинам часто приходят в голову странные мысли вроде этой.

Он поднял маленький носочек, упавший на пол.

– Да он совсем крошечный, Джени, – сказал он с беспокойством в голосе. – Неужели у нашего малыша будет такая маленькая ножка?

Глава третья

Медленно тянулись эти долгие зимние месяцы. Рождество пришло и миновало, и вот в воздухе уже чувствуется первое дыхание весны. Белые утренние морозы теряют силу, деревья поднимают к небу ветви и распускают набухшие круглые почки.

На полях резвятся белые ягнята, а в укрытых от ветра низинах ранние первоцветы тянут к солнцу свои головки.

В Доме под Плющом царит радостная, таинственная атмосфера, ведь сроки Джанет Кумбе подходят.

Ее мать суетилась по дому, помогала готовить и прибираться, чтобы избавить дочь от лишней работы. Томас стал резок, нетерпелив с работниками верфи, порой доставалось от него даже его миролюбивому, добродушному дядюшке.

Но его все прощали, понимая, что молодой человек переживает трудное время.

Сама Джанет наблюдала за суетой и суматохой в доме с улыбкой, и в ее глазах часто играли смешинки.

Больной она себя вовсе не чувствовала и считала вполне естественным, что ее ребенок должен появиться на свет с приходом весны.

Сколько раз приносила она новорожденных ягнят с полей на Полмирскую ферму; сколько раз видела терпеливые глаза коров, которые вылизывали своих немного испуганных, дрожащих на неокрепших ногах отпрысков.

Ей казалось, что нет ничего более простого и обыденного, чем рождение молодого существа, будь то младенец в крестьянском доме или ягненок в холмах. Ягнята блеют, прося еды и ласки, и тянутся к овце, которая дает им то и другое, женщина прижимает своего младенца к груди. Все эти кивки, перешептывания, перевязывания лентами колыбели в спальне и многозначительные улыбки матери в ответ на вопросы не в меру любопытных соседок были непонятны ей, равно как и бесконечные просьбы Томаса почаще лежать и не слишком утомляться.

— Господи, как бы мне хотелось, чтобы вы ушли, занялись своими делами и оставили меня в покое. Я не боюсь болей, не боюсь родовых схваток, и, будь на то моя воля, я с радостью оставила бы вас заниматься всеми этими лентами, колыбелями, бульонами, а сама убежала бы на свои холмы и родила бы там моего малыша среди овец и коров, которые меня понимают.

— Боже милостивый, если так, то твое место явно в кровати. А ну-ка ложись, да немедленно! — воскликнула мать и без лишних разговоров потащила Джанет наверх.

Через два дня, пятого марта, родился сын Джанет Сэмюэль.

— Это были красивые роды, — объявила соседкам старая миссис Кумбе. — Проще и лучше, чем мы с доктором могли ожидать. Храбрая девочка отлично с ними справилась и сейчас чувствует себя превосходно. А что до мальчика, то он просто картинка и вылитый отец.

В честь радостного события на верфи были вывешены флаги, а работникам поставили хорошую выпивку.

Джанет лежала, рассыпав по подушке черные волосы и не сводя глаз с малыша.

Он был совершенный кроха, с лысым черепом и водянистыми глазами. При всем старании Джанет никак не удавалось найти в нем ни капли сходства с Томасом. Она очень надеялась запомнить наконец, что ребенка надо называть «он», а не «оно».

Однако ей было приятно чувствовать рядом с собой это маленькое теплое тельце и сознавать, что именно она дала ему жизнь.

Смотреть на Томаса было одно удовольствие. Стараясь не шуметь в своих тяжелых скрипучих сапогах, он на цыпочках вошел в комнату; лицо его покраснело, а голубые глаза едва не вылезали из орбит.

– Джени, ты не очень плохо себя чувствуешь? – спросил он хриплым шепотом.

Ей пришлось покачать головой и, дабы не обидеть его, спрятать улыбку. Затем она слегка отогнула край одеяла и показала мужу малыша, спавшего у нее на руке. Рот Томаса широко раскрылся, и он застыл, не сводя взгляда с сына. При виде онемевшего от удивления, раскачивающегося на своих длинных ногах из стороны в сторону Томаса Джанет не смогла удержаться от смеха.

– Похоже, ты никогда раньше не видел младенцев, – сказала она. – Потрогай его, он ведь живой.

Томас осторожно потрогал пальцем щеку сына.

Младенец открыл глаза и моргнул.

– Видели?! – радостно воскликнул Томас. – Он меня уже узнает.

– Вздор, – объявила старая миссис Кумбе. – Где это слыхано? Бедная кроха еще даже не видит.

И она вытолкала Томаса из комнаты, опасаясь, что его глупые выходки могут утомить дочь.

Вскоре Джанет окончательно оправилась после родов, встала с постели и вернулась к домашним делам.

Сэмюэль был славным ребенком и почти не доставлял хлопот родителям: не капризничал, не плакал без повода, а вел себя как и пристало нормальному, здоровому малышу. Томас не мог на него наглядеться, с нетерпением ждал конца рабочего дня и испытывал ни с чем не сравнимые гордость и радость, когда во время воскресных походов к бабушке на вершину холма ему разрешалось нести сына на руках.

Джанет устало брела рядом с ним, довольная тем, что хоть ненадолго может избавиться от этой ноши. Томас шел спокойной, чинной походкой, высоко подняв голову, и то и дело останавливался, чтобы показать сына соседям.

– Он и впрямь выдался в вас, мистер Томас, – говорили они. – Те же глаза и того же чудного цвета.

– Вы действительно так думаете? – улыбался Томас. – Слышишь, Джени? Вот и миссис Роджерс говорит, что малыш весь в меня.

– Конечно в тебя, – вздыхала Джанет; она ежедневно со всех сторон слышала одно то же и не находила ничего удивительного в том, что ребенок похож на отца.

В доме ее матери малыш переходил с рук на руки, соседки не могли на него наглядеться, тетки наперебой целовали, бабушка качала на коленях, а Томас тем временем следил за ним беспокойным, ревнивым взглядом и то и дело повторял: «Осторожно, осторожно! Вы его уроните».

Джанет сидела у очага в стороне от остальной компании и рассеянно слушала нелепый тарабарский язык, который, по мнению взрослых, дети только и понимают.

Ей была непонятна вся эта умиленная возня и сюсюканье, ведь она прекрасно знала, что мальчику лучше всего лежать одному в колыбели или нагишом на простыне после купания вволю сучить ножками. Странно, что людям не хватает здравого смысла, чтобы это понять. Не понимает этого и Томас.

Когда Джанет вечером раздевала малыша и он размахивал кулачками, исполненный гордости отец видел в этом проявление силы. «Посмотри, Джени, посмотри, какие у него мускулы на руках. Этому парню скоро любая пила будет нипочем».

Так прошел первый год, и прожили они его втроем в своем доме счастливо и в полном удовольствии друг другом.

Осенью 1831 года старый дядюшка Кумбе слег с ревматизмом, и все заботы по верфи перешли к Томасу. Он решил провести некоторые изменения. Расширили стапель, углубили дно, чтобы получить возможность безопасно спускать в этом месте большие корабли.

Один за другим стали поступать заказы на крепкие рыболовные суда, способные справиться с зимними штормами, и у Томаса уже почти не оставалось свободного времени на игры с сыном. Знающие люди уважительно покачивали головой и с гордостью указывали на него, не упуская случая заметить, что молодой Кумбе затеял для себя знатное дело.

«Хороший он человек, этот ваш Томас, милая Джанет, – говорили они его жене. – Повезло вам с мужем, да и с крепышом-сыном в придачу».

Джанет было приятно слышать похвалы в адрес мужа, ведь жителей Плина хлебом не корми, дай лишь заметить соломинку в глазу соседа. Сэмюэль ползал по полу у нее под ногами, валялся на спине, тянул ручонки к небу и обращал к матери серьезное личико с задумчивыми, как у отца, глазами. Вечерами Джанет всегда дожидалась возвращения Томаса и, лишь когда он приходил, укладывала сына в колыбель рядом с кухонным очагом и садилась с мужем за ужин, и они, довольные и счастливые, принимались обсуждать события дня.

– Наш большой корабль почти готов, Джени. Завтра поутру начнем обшивать корпус досками. Я очень доволен материалом, что мы десять месяцев назад привезли из Труанского леса. С ним мы сейчас и работаем. Мне сдается, что ни одно судно из тех, что я строю, Джени, никогда не развалится на части, если, конечно, его не посадят на рифы.

– А знаешь, Томас, говорят, что ты строишь быстрее и лучше, чем дядюшка Кумбе.

– Значит, все-таки говорят?

– Да, насколько мне известно, так говорит весь Плин. Я очень горжусь тобой, Томас.

– Все это ради тебя и нашего малыша, Джени. Ты только посмотри на него. Господи, что за невинное личико! Кто знает, может быть, пройдет не так много времени и он будет работать рука об руку с отцом, а, что скажешь, сынок?

Сэмюэль брыкнулся в колыбели и закричал во все горло.

Томас встал из-за стола и опустился на колени около колыбели.

– Ну-ну, Сэмми, разве хорошие мальчики так кричат?

Он взял сжатый кулачок сына и поцеловал его.

– Тише, малыш, тише. Ты разобьешь отцу сердце, если будешь так себя вести.

Сэмюэль продолжал кричать, его личико покраснело.

Джанет улыбнулась и покачала головой. Затем подошла к колыбели, перевернула малыша на живот и погладила по маленькой попе.

– Сколько шума по пустякам, – пожурела она мужа.

Томас вздохнул и понурил голову. Обращаться с детьми жена умела лучше него.

Глава четвертая

Летом следующего года дядюшка Кумбе, который, несмотря на ревматизм, научился кое-как ковылять на двух костылях, в один из ненастных дней простудился и меньше чем через сутки умер.

Фирма целиком перешла к Томасу, и ему пришлось трудиться не покладая рук, чтобы дело по-настоящему пошло в гору. На плечи двадцатисемилетнего малого легла огромная ответственность, но Томас, упорный и настойчивый по природе, не признавал поражений.

Казалось, новые заботы заставили его навсегда забыть юношескую беспечность, с которой, правда, он и раньше умел справляться благодаря природной серьезности и здравому смыслу. Теперь его мысли были в основном заняты фунтами, шиллингами и пенсами; хоть он и заявлял, что работает единственно ради жены и сына, следует признать, что он не вспоминал про них, с гордостью глядя на вывеску «Томас Кумбе, корабельных дел мастер». Имя нового владельца верфи уже пользовалось в Плине гораздо большим уважением, чем имя его предшественника.

Джанет не прогадала, выйдя за него замуж, рассуждал Томас, да и о чем еще может мечтать любая женщина, как не о доме, который он ей дал, заботе, которой он ее окружил? К тому же у нее есть сын, а коли будет на то Божья воля, то появятся и другие дети.

Именно такие мысли занимали Томаса, когда он стоял, выпрямившись во весь рост, и резким, повелительным тоном отдавал короткие приказания рабочим.

Джанет видела перемены в характере и поведении мужа, но не винила его за это. В путях, которые выбирает мужчина, для нее не было тайны, она принимала их как нечто вполне естественное. Работа – вот что теперь для него самое главное; она перестала бы его уважать, если бы он пустил дело на самотек, как это было во времена дядюшки Кумбе, а сам бы слонялся по дому, словно пришитый к ее юбке.

Она здраво смотрела на жизнь, умела различать добро и зло, знала, почему люди порой меняются, и, замечая эти перемены, благоразумно закрывала на них глаза. Она знала, что любовь Томаса к ней глубока и надежна, что за поддержкой и утешением он обратится только к ней; но знала она и то, что беззаветное обожание – первая упоительная, всепоглощающая страсть, которая захватывает юношу и овладевает женщиной, – прошло и никогда не вернется.

Сэмюэль скрепил связывавшие их узы, но не более того. Они будут лелеять друг друга в болезни и в здравии, пройдут по жизни, деля печали и радости, будут бок о бок спать ночью в маленькой комнате над крыльцом, состарятся, ослабеют и наконец, всё такие же неразлучные, упокоятся на Лэнокском кладбище – но за все это время так и не узнают друг друга.

Чувства, которые Джанет питала к Сэмюэлю, были неотделимы от ее чувств к Томасу. Один был ее мужем, другой – сыном. Сэмюэль зависел от нее, нуждался в ее заботе и ласке, так будет до тех пор, пока он не вырастет и не сможет сам о себе позаботиться. Она мыла и одевала его, сажала на высокий стул рядом с собой за столом и кормила, помогала ему делать первые шаги и произносить первые слова, отдавала ему всю свою материнскую любовь и нежность.

Томасу и Сэмюэлю отдавала она всю стихийную полноту своих чувств, всю безграничную нежность безыскусного сердца; но дух Джанет, ничем не скованный и свободный, ждал того момента, когда он воспарит над своей добровольной темницей и сольется с неуловимым – с ветром, с морем, с небесами, – сольется с тем, кого она ждет. Тогда и она сама навсегда станет их частью, неопределенной, бессмертной.

Зная, что этот момент придет, Джанет старалась не поддаваться унынию. Она всячески скрывала свое одиночество и на людях всегда выглядела покладистой и веселой.

В ней словно уживались два «я»: одно – счастливая жена и мать, которая с неизменным интересом выслушивает бесконечные рассказы мужа о его делах и планах, смеется над проделками сынишки, навещает родственников и соседей в Плине, радуется мелким событиям каждодневной жизни; второе – чуждое всему этому, не связанное никакими условностями восторженное существо, которое, скрытое от всего мира клубами тумана, стоит на цыпочках на вершине холма, подставив солнечным лучам свое прекрасное истинное лицо.

Все сказанное не обретало в голове Джанет форму осознанных определений – в начале девятнадцатого века обитатели Плина не занимались самоанализом, не занималась им и жена корнуолльского корабеля, которой едва минул двадцать один год. Но она понимала, что мир нисходит на нее не рядом с ее близкими в Плине, а среди диких обитателей лесов и полей, на скалах, омываемых морем.

Лишь краткие проблески душевного покоя, мимолетные вспышки прозрения в мгновения между сном и бодрствованием убеждали ее в том, что все это существует и что придет день, когда она разрешит эту загадку.

Итак, Джанет ждала своего часа и проводила дни, как и прочие замужние женщины Плина: пекла пироги, убирала в доме, чинила одежду мужа и сына. По воскресеньям – посещение церкви, обсуждение с соседками последних новостей за чашкой крепкого чая с кусочком шафранного или макового кекса, вечером семейный ужин, и вот наконец ребенок уложен в кроватку и она спокойно засыпает рядом с мужем до следующего утра.

Весной 1833 года, через две недели после того, как Сэмюэлю исполнилось два года, у него появилась сестра.

Она была светловолосой, голубоглазой, очень походила на Сэмюэля и доставляла родителям так же мало хлопот, как и он в ее возрасте.

При крещении девочке дали имя Мэри, и Томас стал почти так же гордиться дочерью, как гордился сыном.

Хоть Томас и тешил себя надеждой, что глава семьи именно он, последнее слово всегда оставалось за Джанет. Достаточно было ей бросить мужу одно-единственное слово, и тот отправлялся на работу с досадой в душе, чувствуя себя побежденным. Он называл это «уступкой Джени», но здесь было нечто иное – бессознательное подчинение характеру более уравновешенному, но и более сильному, чем его собственный.

Он никогда бы в этом не признался, но, пользуясь его же словами, которых он, правда, ни разу не произнес вслух, Томасу «никак не удавалось раскусить Джанет». Она была его женой, он любил и уважал ее, их связывали общий дом и двое детей, но мысли ее были для него тайной. Иногда она внезапно замолкала и подолгу смотрела через окно на море странным, отсутствующим взглядом.

Он не раз замечал это, когда, уловив свободную минуту после дневных трудов, по вечерам играл с детьми, а она тем временем сидела, уйдя в свои мысли и словно забыв о вязанье, которое держала на коленях.

– Джени, о чем ты думаешь? – спрашивал он, и она либо с улыбкой, молча встряхивала головой, либо произносила в ответ сущий вздор вроде:

– Если бы это зависело от меня, Томас, то я была бы мужчиной.

Такой ответ его еще больше обескураживал. Отчего бы ей хотеть быть мужчиной, когда нет в Плине дома лучше, детей прелестней, а мужа более любящего и преданного, чем у нее?

– И впрямь, Джени, порой ты для меня все одно что загадка, – говорил он, вздыхая.

И правда, ее настроение менялось с быстротой летней молнии, она подходила к нему, садилась рядом на пол, где он играл с детьми, и принималась играть вместе с ними или задавала ему разумные вопросы, на которые мужчина может ответить, – например, как идут дела

на верфи. Затем, иногда даже не дав ему опомниться, принималась городить какой-нибудь дикий вздор вроде того, что ей жалко старика Дана Крабба, которого наконец-то поймали на контрабанде и отправили на суд в Садмин.

– Вот те на! Да он же преступник, и двуличный негодяй в придачу. Обманывает таможенников его величества, нарушает законы и поднимает руку на мирных людей.

– Да, Томас, но при всем том это истинно мужское занятие.

– Ты что же, истинно мужским занятием называешь такую мерзость, как контрабанда? Что до меня, так я ни одному из них руки не подам, чтобы не запачкаться.

– Ну а я, наоборот, и сама подам, и их пожму, если предложат. Я часто представляла себя на их месте. В Ланниветской пещере крошечная тьма и ни единого звука, кроме плеска волн о берег. Но вот сквозь тьму пробивается слабый свет, слышится глухой скрип уключин. Приглушенный свист, сапоги хрустят по гальке, когда пробираешься навстречу лодке. Пока товар разгружают, голосов почти не слышно, все переговариваются шепотом, потом громкий крик с вершины холма, на берегу начинается невесть что, и ты бежишь со всех ног, волосы развеваются на ветру, а за спиной у тебя пыхтят шесть таможенников. Жизнь и смерть, Томас, сливаются воедино, и некогда думать о времени.

Она смеялась, глядя на его растерянное лицо.

– Ты считаешь меня женщиной без стыда и совести?

Он ответил ей торжественным, как у судьи, голосом:

– Ах, Джени, смотря по тому, куда ты побежишь.

Малыши во все глаза смотрели на мать; Мэри уютно устроилась на руках у отца, Сэмюэль держал его за рукав куртки; они были почти на одно лицо и оба – точная копия Томаса. Джанет с улыбкой смотрела на них, все трое принадлежали ей, возможно, были частью ее существа; но другая его часть незаметно ускользала из теплой, приветливой комнаты, от этих дорогих, любимых лиц и улетала за тихие холмы и оживленную гавань Плина, через моря и небо – туда, к неведомым просторам, к безымянным звездам.

Глава пятая

На следующее Рождество в Плине выпал снег. Легким пухом лежал он на холмах и полях, защищая землю от зимней стужи. Даже ручей в Полмирской долине покрылся льдом, а неподвижные деревья мрачными скелетами темнели на фоне неба. Потом тучи рассеялись, с голубых небес засияло солнце и жестокий мороз сменила оттепель, покрыв землю серыми лужами.

Томас поднялся в Труанскую рощу и вернулся с огромной охапкой остролиста, усеянного огненно-красными ягодами. Вместе с Джанет они перевили ветки остролиста срезанным у дома плющом и украсили гирляндами все комнаты, а Томас в придачу сплел из ветвей остролиста крест и повесил его над крыльцом.

Джанет хлопотала на кухне, готовясь к встрече радостного дня; в доме ждали гостей, и она знала, что те быстро расправятся с бисквитами, пудингами и пирогами, а может быть, захотят еще и по чашке бульона, перед тем как выйти на холодный вечерний воздух.

Томас сидел у очага с Библией на коленях, а двое малышей теребили Джанет за юбку, выпрашивая у нее хоть кусочек того, чем так вкусно пахло с противня над очагом.

– Ну-ну, будьте хорошими детьми и оставьте маму в покое, а то не пробовать вам пудинга до самого конца Рождества, – ворчала мать.

Что же до отца, то и он не удержался от искушения проявить родительскую власть и сурово обратился к Сэмюэлю:

– Отойди от мамы, Сэмми, и оба перестаньте кланяться. Подойдите к папе и послушайте, какую хорошую книгу он вам почитает.

Дети молча повиновались, и мальчик потащил за собой маленькую сестренку, которая еще почти не умела ходить. Тщательно выговаривая каждое слово, Томас читал первые главы из Евангелия от Матфея, но дети были слишком малы и не понимали, о чем рассказывает им отец, поэтому они тихо сидели у его ног и спокойно играли с куклой в рваном платье, мирно деля ее между собой.

Джанет распрямила спину и, подбоченившись, с минуту смотрела на них. Прибраться на кухне, поужинать, уложить детей спать, а там, глядишь, уже пора надевать капор и шаль и отправляться под руку с Томасом ко всеобщей в Лэнокскую церковь, оставив услужливую соседку последить за домом.

Но в ту ночь идти в церковь Джанет почему-то не хотелось. У нее не было желания слушать слова священника, петь вместе со всеми рождественские гимны и, опустившись на колени перед алтарной преградой, принимать Святое причастие. Ее вдруг неодолимо потянуло выскользнуть во тьму и побежать к тропинке, вьющейся по скале, с которой открывается безбрежная панорама моря, где луна прокладывает по воде серебряную тропу, ведущую с темного моря на небо; где она будет ближе к миру и покою, чем стоя на коленях в Лэнокской церкви, ближе к тому, чему нет имени; где можно забыть о бренном бытии и слиться с тем, что не ведает времени, где нет ни сегодня, ни завтра.

«Не благочестие, подобающее рождественской мессе, испытываю я сегодня, – думала она, – но желание побыть одной, подставив лицо лунному свету».

Словно очнувшись ото сна, она стала накрывать на стол к ужину, лихорадочно придумывая предлог, чтобы не идти к мессе. Но Томас сам подсказал ей его:

– У тебя под глазами тени, Джени, да и лицо что-то слишком бледное и усталое. Ты неважно себя чувствуешь?

– Наверное, дело в готовке, я слишком долго стояла у плиты. Оттого и голова болит, и спину ломит. Может быть, мне лучше остаться дома, Томас? Ты можешь и без меня сходить в Лэнок.

– Мне бы не хотелось оставлять тебя одну в сочельник, дорогая. Это будет в первый раз, с тех пор как мы поженились.

– И все же так лучше. Завтра придут гости, и я должна быть здорова.

На том и порешили, и когда из-за полей донесся тихий звон колоколов Лэнокской церкви, Томас взял фонарь и один отправился к мессе. Стоя на крыльце под крестом из остролиста, который поскрипывал и вздыхал над ее головой, Джанет смотрела, как муж поднимается вверх по холму. Соседка, в чьей помощи нужды больше не было, тоже ушла, пожелав ей доброй ночи и счастливого Рождества. Джанет осталась в доме с детьми, крепко спавшими в комнате на втором этаже. Она приготовила горячий бульон для мужа, который вернется из церкви голодным и продрогшим, затем накинула на плечи шаль и высунулась из окна. Земля была все еще покрыта тонким слоем снега.

Луна стояла высоко в небе, и тишину ночи нарушал лишь рокот волн, бьющихся о скалы за гаванью. Джанет неожиданно поняла, что должна последовать голосу сердца и идти к скалам.

Она спрятала ключ от двери за корсаж, накинула на плечи шаль и вышла на улицу. Ей казалось, что внезапно выросшие крылья быстро уносят ее от дома, от спящих детей, вверх по крутой, узкой улочке Плина к побелевшим от мороза холмам, к безмолвному небу.

Джанет прислонилась к стене разрушенного Замка; у ее ног лежало море, в лицо ярко светила луна. Она закрыла глаза и сразу почувствовала, что все бередившие ее ум мысли отлетели, что усталое тело покинуло ее и она обрела странную силу и ясность сродни силе и ясности самой луны. Открыв через мгновение глаза, она обнаружила, что окутана туманом, а когда он рассеялся, увидела фигуру человека, который стоял на коленях перед скалой, опустив голову на руки. Она знала, что он исполнен мучительного отчаяния и горечи, что его несчастная заблудшая душа ищет ее утешения.

Она подошла, опустилась рядом с ним на колени и, прижав его голову к своей груди, стала гладить рукой его седые волосы.

Он поднял на нее дикие карие глаза, горящие безумным страхом.

И она поняла, что он принадлежит будущему, тому времени, когда она будет мертвой лежать в могиле, но узнала в нем того, кто принадлежит ей, и только ей.

– Успокойся, любимый мой, успокойся, отбрось свои страхи. Я всегда рядом с тобой, всегда, никто тебя не обидит.

– Почему ты не приходила раньше? – прошептал он, крепче прижимая ее к себе. – Они пытались отнять меня у тебя, весь мир черен и полон демонов. Дорогая, любимая, нет правды, нет для меня дороги, которую я мог бы выбрать. Ты поможешь мне, ведь правда, поможешь?

– Мы будем страдать и любить вместе, – ответила она. – Каждая радость, каждая боль твоей души и твоего тела будут и моими. Дорога сама скоро тебе откроется, и тогда мрак покинет твою душу.

– Я часто слышал твой шепот и внимал твоим благословенным словам утешения. Ведь мы разговаривали друг с другом, одни в тиши моря, на палубе корабля, который есть часть тебя. Почему ты раньше никогда не приходила, чтобы вот так же меня обнять и прижать мою голову к своему сердцу?

– Я не понимаю, – сказала она, – не знаю, откуда мы явились, не знаю, как спала с моих глаз пелена и я пришла к тебе. Но я услышала, как ты зовешь меня, и ничто не смогло меня удержать.

– С тех пор как ты меня покинула, потянулись долгие трудные дни, я не следовал твоим советам и не оправдал твоей веры в меня, – сказал он. – Посмотри, какой я старый, мои

волосы и борода поседели, ты же молода, моложе, чем я тебя помню, у тебя чистое девичье лицо и нежные, мягкие руки.

– Я не имею представления ни о том, что было, ни о том, что будет, но твердо знаю, что время непрерывно и здесь, в нашем мире, и в любом другом. Для нас нет разлуки, для нас нет ни начала, ни конца: мы неразлучны, ты и я, как звезды неразлучны с небом.

Тогда он произнес:

– Любимая моя, все шепчутся, будто я безумен, будто рассудок покинул меня и в глазах моих горит опасный огонь. Я чувствую, как ко мне подкрадывается тьма, и когда она окончательно наступит, я не смогу ни видеть, ни чувствовать тебя, тогда здесь останутся только пустота и отчаяние.

В эту минуту туча закрыла луну; он задрожал, и Джанет показалось, что на ее руках лежит ребенок, ищущий утешения.

– Когда мрак начнет подступать к тебе, не бойся его, в эти часы я буду держать тебя так же, как держу сейчас, – утешила она его. – Когда, борясь с самим собой, ты утратишь способность видеть, слышать, я буду рядом, я буду бороться за тебя.

Он откинул голову и смотрел, как, вся белая, с улыбкой на устах, она стоит на фоне неба.

– Этой ночью ты ангел, – сказал он, – ангел, который стоит у Небесных врат, ожидая рождения Христа. Сегодня Рождество, и в Лэннокской церкви поют гимны.

– Пятьдесят лет или тысяча, какая разница? – сказала Джанет. – И то, что мы оба пришли сюда, тому доказательство.

– Значит, ты больше никогда меня не покинешь? – спросил он.

– Никогда, никогда не покину.

Он опустил на колени и поцеловал ее запорошенные снегом ноги.

– Скажи мне, Бог есть?

Он заглянул ей в глаза и прочел в них истину.

С минуту они стояли рядом и, глядя друг на друга, видели себя такими, какими уже никогда не увидят на земле. Она видела перед собой мужчину, согбенного, измотанного жизнью, с буйными растрепанными волосами и страдальческими глазами; он же видел девушку, молодую и бесстрашную, с лицом, залитым лунным светом.

– Доброй ночи, матушка, красавица моя, любовь моя.

– Доброй ночи, любимый, дитя мое, сын мой.

И вновь разлился туман и скрыл их друг от друга.

Джанет стояла рядом с руинами Замка, под ее ногами море, шурша, набегало на скалы, и серебряная тропа тянулась по воде. Все было как прежде, ничего не изменилось. Она простояла здесь секунду, не более.

И все же она проделала путь в полвека, путь из окружающего ее мира в иное время, в иное пространство. Но не было в душе ее ни удивления, ни страха, а лишь великая любовь и благодарность.

Повернувшись спиной к морю, Джанет отошла от скал и стала спускаться по крутому склону холма в Плин. Уже миновала полночь и наступил день Рождества. Она немного постояла, прислушиваясь к звукам последнего гимна, доносимым ветром из Лэннокской церкви. То была тихая, сладостная песнь, в которой голоса простых людей несли миру радостную весть:

Слышишь полный торжества
Гимн во славу Рождества,
Вознесенный райским хором

Над ликующим простором?
Иисус на свет рожден —
Мир спасен, и грех прощен.
Пой же с ангелами всеми:
Царь родился в Вифлееме!
Лейся, полный торжества
Гимн во славу Рождества!

И Джанет улыбнулась и обратила взгляд на восток, где высоко в небе сияла звезда,
очень похожая на Вифлеемскую.

Глава шестая

Вскоре после Нового года Томас повез Джанет в Плимут. Ему хорошо заплатили за отличный тендер⁴, построенный на его верфи в ноябре; он был очень доволен своей работой и деньгами в кармане, отчего и решил, что часть их без особого ущерба может быть истрачена на короткий отдых для него и жены. В те времена это было настоящее путешествие, особенно зимой; до Карна им пришлось ехать в повозке, там переночевать и на следующее утро продолжить путь в дилижансе, который прибывал в Плимут во второй половине дня.

Детей оставили на попечение матери Джанет.

Раньше Джанет никогда не покидала Плина, и большой город совершенно ошеломил ее. Томас был в восторге от ее удивления и с удовольствием, не лишенным гордости, показывал жене все заслуживающие внимания места, рекомендуя себя при этом лучшим на свете гидом. Ему нравилось демонстрировать свое знакомство с названиями улиц и магазинов, хотя прошло уже довольно много лет с тех пор, как он здесь бывал.

— Ах, Томас, скажи на милость, — удивлялась она, — как это тебе удастся помнить столько названий и ни разу не заблудиться? Ведь здесь все улицы похожи одна на другую.

— Это очень просто, Джени, — хвастливым тоном отвечал он. — Такому человеку, как я, не надо много времени, чтобы запомнить, как добраться до какого-нибудь места. Тебе это, понятное дело, трудно, ведь ты в первый раз выбралась из Плина и не знаешь ни одного города хоть немного больше него.

— Чего не знаю, того не знаю, — говорила Джанет, задрав подбородок. — А вот ты, скажу я тебе, слишком много о себе думаешь. Зато я гораздо лучше тебя знаю леса и скалы вокруг Плина. При самом небольшом тумане ты часами будешь кружить вокруг собственного дома, тогда как я уже давным-давно приготовлю ужин.

Томас не возражал, поскольку уже привык к тому, что последнее слово всегда останется за Джанет.

Тем не менее магазины совершенно заворожили Джанет, и она одобрила выбор Томаса, когда тот купил жене теплую серую пелерину и красивый аккуратный капор.

— Подумать только, что за цены, — шепнула она на ухо мужу, — да это же грабеж среди бела дня.

— Дорогая, я хочу, чтобы у тебя было только самое лучшее, — изрек он таким гордым и величественным тоном, каким мог бы ответить сам сквайр Трелони.

Когда она шла по улицам под руку с Томасом, немало мужчин оборачивались и смотрели ей вслед.

Она действительно была хороша, эта Джанет: густые черные волосы, большие зоркие глаза, решительный рот и подбородок. Она несла себя как королева. От внимания Томаса не ускользали взгляды, которые бросали на нее плимутские моряки, и он внимательно следил за тем, как она их принимает. Обычно, идя рядом с ним, она оставляла их без внимания, но один, видимо, изрядно пьяный молодчик наткнулся на Джанет и провел грязными пальцами по ее новой пелерине.

Томас хотел вмешаться, но Джанет взяла дело в свои руки, и матрос, ожидавший, что она отскочит от него с испуганным криком, вместо этого в полной мере ощутил на себе ее темперамент.

— Что за манеры, приятель? — выпалила она. — В Корнуолле, если вы толкнули даму, принято снимать шляпу. — И, не дав ему ответить, сорвала с его головы фуражку и швырнула ее в грязную воду гавани. — Пусть с нее смоем паутину, — сказала она матросу и, подобрав

⁴ Тендер — небольшое вспомогательное судно, доставляющее на другие суда топливо, воду, провиант и т. д.

рукой юбки, пошла дальше по улице; Томас шел следом, красный как рак, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

– Мне самому следовало бы это сделать, – с упреком в голосе сказал он. – Я восхищен твоей смелостью, но это как-то не по-женски.

– Ты бы предпочел, чтобы я оставила его грязную лапу на моей новой пелерине? – спросила она, горя негодованием, хоть и не смогла скрыть улыбки при виде его покрасневшего лица. – Если ты не успокоишься, я отправлю твою шляпу туда же, куда и его!

Томас знал, что она сдержит слово, и вовсе не хотел лишних неприятностей.

Проведя в Плимуте дней пять, они стали собираться в обратный путь.

Томас уже уложил вещи, когда Джанет, до того молча смотревшая в окно, неожиданно заговорила.

– Для этого времени года погода действительно просто замечательная, – беззаботно сказала она.

Томас согласился, не понимая еще, что попал в ловушку.

– Я уверена, что и море спокойно, как летом, – продолжала Джанет. – При хорошем ветре мы уже к ночи были бы в Плине, а так придется до вечера задержаться в Карне, пока за нами не приедет повозка.

– И впрямь пустая трата времени. Летом здесь суда часто ходят в обоих направлениях, но в это время года едва ли сыщется хоть одно, – сказал Томас.

– А вот тут ты не прав, – возразила Джанет. – Как раз сегодня отходит один корабль. Пока ты слонялся здесь без дела, я сходила в гавань и поговорила с капитаном. Корабль отплывает днем, и к вечеру мы уже наверняка будем в Плине.

Томас в сомнении потер лоб. Подбородок Джанет был вздернут, да и блеск в ее глазах был ему хорошо знаком.

– А что, если ветер слишком разгуляется? – вяло спросил он.

– Так что из того? Я ветра не боюсь. Может, ты боишься?

Он сделал последнюю попытку воспротивиться:

– Для нас не окажется места, Джени, мы будем мешать.

– Вот этого, Томас, можешь не бояться. С капитаном я все уладила, и он готов взять нас.

И, подхватив узлы, она с улыбкой распрощалась с хозяйкой, вышла из дома и с противоположной стороны улицы через плечо окликнула Томаса.

Они направились в ту часть гавани, где у причала стояло на якоре их судно. Томас ожидал, что Джанет попросит еще хоть разок взглянуть на магазины, но он ошибся. Его жена не собиралась тратить время на ленты и прочие мелочи, когда впереди ее ждали корабли.

На причале она задержалась, любуясь лесом высоких мачт, устремленных в небо, и поразила мужа своим знанием названия каждой мачты и разных частей такелажа⁵.

– Ты думал, что я все время проводила, учась шить да готовить, так ведь? – презрительно спросила она. – Нет, этой ерундой я никогда не интересовалась, а частенько убегала на берег с единственной целью: как можно больше узнать о кораблях.

– Ума не приложу, Джени, как тебе удалось стать женщиной, такой, какая ты есть, – недоумевал муж.

Она рассмеялась и взяла его под руку.

– При всем том я не сильно изменилась, – ласково сказала она.

Наконец они подошли к «Водяному» – так называлось их судно – и поднялись на борт.

Капитан попытался было помочь Джанет, но она негодуяще тряхнула головой и, одной рукой подобрав юбки, а другой взявшись за веревку, поднялась по грубо сколоченному трапу.

⁵ Такелаж — совокупность судовых снастей (тросы, цепи, прутки) для крепления рангоута, управления парусами, грузоподъемных работ.

Оказавшись на палубе, она, вместо того чтобы сразу спуститься в каюту, где, как шепнул ей Томас, женщине и следует находиться на корабле, остановилась у фальшборта⁶ и стала с интересом оглядываться по сторонам. Сам Томас весьма критически отнесся к линиям и корпусу этого небольшого судна, но остерегся высказывать свои мысли вслух.

Несмотря на заверения капитана, корабль отчалил от пристани только через два часа, почти в пять пополудни.

– До дому мы доберемся не раньше полуночи, если нам вообще суждено до него добраться, – заметил Томас, с тревогой глядя на небо, которое с северо-востока быстро затягивалось тучами. – Погода, похоже, меняется, – сказал он капитану.

Джанет была в восторге от мысли, что их ждет трудное путешествие, но Томас думал об оставшихся дома детях и проклинал себя за то, что, поддавшись слабости, уступил жене.

Возвращаться было слишком поздно, они уже вышли из пролива и направлялись в открытое море, мыс Рейм остался далеко за кормой.

– Коли ветер усилится, нам предстоит нелегкая работенка, а, капитан? – спросил Томас.

– О нет! Думаю, обойдется парочкой шквалов, – рассмеялся капитан. – Ничего страшного. По-моему, никакой опасности. На худой конец, попробуем войти в Сент-Брайдс⁷.

Но Томасу вовсе не хотелось проводить ночь в Сент-Брайдсе, к тому же он не слишком верил в способность капитана отыскать вход в маленькую гавань, скрытую в тени большого острова, расположенного в полумиле от нее.

Вскоре совсем стемнело и полил дождь. Джанет уговорили спуститься вниз и погреться около маленькой печки.

Томас остался с ней, но время от времени поднимался на палубу проведать, как идут дела.

Судно сильно качало, однако никого из них не тошнило. Сидя в полном молчании, они прислушивались к скрипу мачты, вою ветра и шуму дождя.

По лицу Томаса Джанет видела, что он очень обеспокоен, и корила себя, но сердце ее ликовало оттого, что она на корабле, в открытом море и что каждый порыв ветра несет в себе опасность.

Как бы ей хотелось быть сейчас на палубе вместе с мужчинами, до крови на руках натягивать канаты или изо всех сил налегать на штурвал.

«Почему я не родилась мужчиной? – думала она. – Тогда я была бы там, наверху». Собственная принадлежность к женскому полу казалась ей цепями, которые сковывали ее, подобно тому как болтающиеся вокруг колен длинные юбки мешали ей двигаться.

Она страстно желала, чтобы этой ночью с ней был тот, другой, кто составлял часть ее существа, с такими же, как у нее, черными волосами и темными глазами. Тот, кто еще не пришел, но вглядывался в нее из будущего, неотступно сопровождал ее в снах. Они бы не сидели в каюте, как двое заключенных, а, смеясь, стояли бы рядом на палубе, и ветер развеивал бы их буйные, пропитанные морской водой волосы. Его рука лежала бы на штурвале, глаза то и дело обращались бы наверх, чтобы проверить состояние парусов, а затем опускались вниз, чтобы бросить на нее быстрый горячий взгляд.

У него длинные ноги и квадратные плечи, как у Томаса, но он более плотно сбит и гораздо сильнее. Одно движение свободной руки в ее сторону – и вот он уже обнимает ее и смеется, как умеет смеяться только он.

Она знала его низкий, какой-то беспечный голос, знала запах, тепло его плоти.

Джанет закрыла глаза и стала молиться: «О любовь моя, приходи скорее, я изнываю и томлюсь от ожидания».

⁶ *Фальшборт* — продолжение бортовой обшивки судна выше верхней палубы.

⁷ *Сент-Брайдс* – небольшой залив у восточного побережья Англии.

Открыв глаза, она увидела, что перед ней стоит Томас, ее муж, стоит как тень и отражение того, кого она любит.

Томас подошел ближе и опустился рядом с ней на колени.

– Джени, я еще никогда не видел тебя такой прекрасной, – прошептал он. – Ты так любишь море и корабли?

Она положила руки на плечи мужа и привлекла его к себе.

– Иногда это бывает сильнее меня, – сказала она ему. – Как в те давние дни, когда женщина душой чувствовала обращенный к ней призыв Господа все бросить: дом, обычную жизнь, может быть, даже возлюбленного, чтобы вдали от суетного мира, в монастырских стенах, вверить себя Его попечению. Нечто подобное порой находит и на меня: покинуть Плин, тебя, детей и уплыть туда, где только ветер да море были бы моими спутниками.

Он крепко прижал ее к себе, осторожно лаская робкими, нервными руками.

– Разве ты не счастлива, Джени, разве жалеешь, что мы поженились и вместе провели эти несколько благословенных лет?

– Нет, дорогой, не жалею и никогда не буду жалеть.

– Может быть, эти последние месяцы я бывал с тобой не так часто, как следовало бы. Может быть, слишком много занимался работой, слишком много о ней думал. Но, Джени, дорогая моя жена, свет очей моих, отрада моего сердца, я люблю тебя за все твои милые странности, хоть и не могу их понять. Ты не бросишь меня навсегда ради своих снов? Обещай мне, что не бросишь и не уйдешь туда, где я не смогу к тебе прикоснуться!

– Тебе будет одиноко без меня?

– Ах, Джени, неужели ты не понимаешь, с какой неутолимой жадностью тянет меня по ночам прикоснуться к тебе, к твоему нежному благословенному телу, которое принадлежит мне, ощутить на моем сердце твою руку? Ведь мы живем в одном доме, ты заботишься обо мне и о детях – ты живое, дышащее существо, которое и есть для меня дом.

– Нет, телом я тебя никогда не покину, Томас. Я знаю, что Джанет Кумбе принадлежит своему мужу, своим детям, самому Плину. Там мои корни, я приросла ими к родным местам, как деревья в тени Труанского леса, и ничто не может оторвать меня от тебя.

Довольный ее ответом, Томас склонил к ней голову, и Джанет увидела, как он, упокоенный смертью, совсем как сейчас, лежит рядом с ней, словно уснувший ребенок, меж тем как ее неугомонный дух, вырвавшись из глубины, летает с чайками и песнь моря рвется из его уст.

В каюту заглянул спустившийся с палубы капитан:

– Располагайтесь и чувствуйте себя как дома. С таким ветром до Плина мы доберемся не раньше часа или двух дня, но опасности нет, и вы можете спокойно спать, пока я вас не разбужу.

Джанет поднялась с колен:

– Томас, взглянем разок на море! Я хочу опять почувствовать воздух на своем лице.

Они вместе поднялись на палубу и оглядели окружающую их картину. Ветер переменился и теперь дул на запад, дождь перестал. Ночь была темна, и только звезды светили на небе. Корабль, целый и невредимый, продолжал пенить морские воды. Ни малейшего признака земли – ничего, кроме моря, неба да воя ветра в парусах. Джанет стояла на носу корабля, пелерина развевалась у нее за плечами, темные волосы походили на буйную гриву дикого зверя.

Она очень напоминала собой резную фигуру на носу корабля.

Томас смотрел на нее затаив дыхание. Судно качнуло, и она шелохнулась вместе с ним, словно была его частью. Стоя рядом с ней, Томас испытывал невольный трепет перед ее красотой.

– Джени, – прошептал он, – Джени.

Из-за его спины, из-за кормы корабля, из-за самого моря она услышала чей-то зов, громкий, торжествующий зов из тьмы, подобный голосу ветра:

– Я иду к тебе, сейчас, сейчас!

Она вытянула вперед руку и коснулась стоявшего рядом Томаса.

– Джени, – говорил он, – Джени.

Она отвернулась от моря и поднесла его руку к своим губам:

– Люби меня сегодня.

Они ушли с палубы, а корабль продолжал плыть сквозь тьму, один на один с ветром и морем.

Глава седьмая

В конце весны над побережьем Корнуолла пронеслось несколько сильных штормов, и многие прекрасные суда затонули. Томас Кумбе, в равной мере и корабельный плотник, и корабел, был занят как никогда в жизни. Он нанял еще нескольких работников, и не было дня, чтобы на берегу возле верфи не лежало какое-нибудь судно.

Маленький Сэмюэль, которому уже исполнилось пять лет, проводил большую часть времени, наблюдая за работой отца и его служащих. В качестве игрушки ему дали тупой старый тесак, и, несмотря на малый возраст, пальцы у него были достаточно проворны.

Его сестре Мэри шел третий год, и она ковыляла за матерью на своих пухлых нетвердых ножках.

Джанет не переставала благословлять детей за то, что они не доставляют ей никаких хлопот. Теперь она порой чувствовала тошноту и головокружение, поскольку ожидала третьего ребенка. В тот год обе ее сестры вышли замуж, а через три месяца после свадьбы младшей умерла старая миссис Кумбе.

Джанет редко говорила с Томасом о своем здоровье. Он гордился близким прибавлением в своем семействе, но работа на верфи не позволяла ему уделять много времени жене, дома он бывал редко, приходил только к ужину, после которого сразу отправлялся в кровать и спал как убитый.

Ни с Сэмюэлем, ни с Мэри в первые месяцы беременности Джанет не чувствовала такой слабости и усталости. Она больше беспокоилась о ребенке, чем о себе, и боялась, что он либо родится недоношенным, либо умрет. Спокойствие и уверенность, с какими она ждала рождения двух старших детей, на сей раз изменили ей.

В ней проснулись бывшие буйные порывы, и часто хотелось лишь одного: бросить дом, бросить семью и бежать куда-нибудь далеко-далеко, в тихое уединенное место.

Она больше не сидела в кресле-качалке с работой на коленях, наслаждаясь теплом и покоем, царившими в доме, но, несмотря на слабость и угнетенное состояние духа, беспокойно бродила по комнатам.

Когда наступило лето и дни стали длиннее и теплее, Джанет, забирая с собой детей, часто уходила из дома, с трудом поднималась на вершины скал, высившихся над Плином, и часами сидела там, глядя на море.

Как никогда прежде, жаждала она свободы, ее пронизывала острая боль, когда она видела, как какой-то корабль под раздуваемыми ветром парусами выходит из гавани и, словно безмолвный призрак, плывет по глади моря. Нечто неведомое в сердце звало ее вдаль.

По мере того как месяц медленно протекал за месяцем, это чувство становилось сильнее, ярче, и не проходило дня, чтобы Джанет, улучив момент, не поднялась на скалы и там, подставив голову ветру, слушала говор моря. Сильнее, чем когда бы то ни было, чувствовала она порыв и желание собрать все силы и идти быстро, но, взглянув на свое уродливое, бесформенное тело, закрывала лицо руками, стыдясь того, что родилась женщиной.

Ее нервы, обычно спокойные, были напряжены до предела.

Дом казался ей пустым, в его стенах она не находила покоя — он ничего не давал ей. С Томасом она была резка, с детьми немногословна — они составляли часть цепи, которая приковывала ее к Плину. Возвращаясь к скалам, она безутешно металась из стороны в сторону, ища то, чего не было; она страшилась одиночества и вместе с тем призывала его: ее душа была так же больна, как и тело, больна и одинока.

Так летние месяцы перешли в осень, ранние утра стали прохладны и пропитаны туманом, ночами выдавались заморозки, предвестники зимы. Труанский лес и деревья вокруг Плина пленяли многоцветьем, затем начали опадать первые листья, и вскоре земля покры-

лась блеклым, шуршащим ковром. Морские водоросли осыпались с прибрежных скал и, бесцветные, тяжелые, плавали на поверхности воды. Пышные осенние цветы набухли от мягкого дождя и поникли головками.

С полей свезли урожай, яблоки в садах сняли и уложили на темных чердаках.

Птицы, казалось, исчезли вместе с летним солнцем, остались только длинношей баклан-одиночка, деловитые маленькие тупики да неизменные чайки, которые, кружа над гаванью, с высоты ныряли за рыбой. Река затихла, и тишину нарушали только шорох падающих на землю листьев да потусторонний, скорбный крик кроншнепа, стоящего во время отлива на илистой банке в поисках пищи.

Сумерки опускались рано, сразу после шести, и жители Плина закрывали двери и окна от сырого тумана, позволяя ночи накидывать погребальный покров на их защищенные от стужи дома и нимало не заботясь о плачущем небе и мрачных совах.

Так подошла к концу последняя неделя октября.

Однажды днем сырая, тихая погода переменилась: с юго-востока начали собираться огромные багровые тучи, и вскоре уродливая полоса затянула горизонт над морем. С приливом сильный ветер перешел в шторм, который со всей силой разразился над Плином.

Громадные волны обрушились на скалы у входа в гавань и ринулись внутрь. Брызги достигали развалин Замка, вода поднялась выше уровня городского причала и залила первые этажи зданий, сгрудившихся вокруг мощенной булыжником площади.

Мужчины заперли женщин в домах, а сами стали пробираться к доку за гаванью, чтобы проверить сохранность судов. Это был последний день октября, День поминовения усопших, когда по традиции целую ночь горел на маяке огонь, который поддерживали плавником, а после полуночи проходили процессией через город. Однако в ту ночь традиция была забыта – в такой шторм люди отважились бы выйти из дома разве что по большой необходимости.

Томас Кумбе был на верфи, с тревогой наблюдал он за прибывающей водой и с нетерпением ждал начала отлива, когда можно будет больше не опасаться разрушений, и без того уже значительных. В Доме под Плющом детей уже уложили в кровати, и они крепко спали, несмотря на завывания ветра. Джанет накрыла ужин и ждала возвращения Томаса.

Дождь прекратился, только ветер и море ревели в унисон. Все листья с деревьев были сорваны, и лишь обломанные ветви раскачивались с треском, напоминая хлопанье корабельного паруса. Снаружи что-то стукнулось об окно и упало, этот звук напугал Джанет, и она невольно прижала руку к груди. Открыв окно, она увидела мертвую чайку, оба крыла птицы были сломаны.

Ворвавшийся в комнату ветер откинул занавеску и задул свечи. Огонь в камине зашипел и почти погас. И тут Джанет ощутила движение живого существа, которое шелохнулось в ней, почувствовала борьбу того, кто вот-вот одолеет связывающие его путы и вырвется на свободу.

Она раскинула руки, громко вскрикнула, и ветер-пересмешник эхом отозвался на ее крик. «Пойдем со мной, – звал голос из тьмы, – пойдем и на вечных холмах отыщем нашу судьбу».

Джанет набросила на голову шаль и, не чувствуя ничего, кроме пронзительной боли и борения духа и тела, спотыкаясь, вышла навстречу пронизывающему мокрому ветру; в ушах ее непрерывно звучал призыв рокошующего моря.

На верфи Томас и его работники ждали, когда закончится прилив, и, увидев, что вода медленно, дюйм за дюймом, отступает, негодуя на противостоящие ей силы, поняли, что до утра за верфь можно не беспокоиться.

– Ну, ребята, ночь для нас выдалась не из легких. Что скажете о чашке чего-нибудь горячего в моем доме? У жены уже все готово, и она ждет.

Мужчины от души поблагодарили его и, сгибаясь от дуящего в спину ветра, зашагали рядом с хозяином вверх по холму к Дому под Плющом.

– Вот те на! Темно, – сказал Томас. – Не могла же она улечься спать.

Он вошел в дом, работники последовали за ним.

Комната была именно такой, какой Джанет ее оставила: на столе стоял ужин, но огонь в камине едва теплился, и свечи были задуты.

– Странно, – пробормотал Томас, – Джени не могла оставить комнату в таком виде.

Один из работников оглянулся.

– Похоже, миссис Кумбе все оставила второпях, – сказал он. – Что, если ей стало нехорошо? Ведь она уже, прошу прощения, на сносях. Не так ли, мистер Кумбе?

Страх сковал сердце Томаса.

– Постойте, – сказал он, – я посмотрю. Может, она где-то рядом.

Он подошел к спальне над крыльцом и открыл дверь.

– Джени! – позвал он. – Джени, ты где?

Сэмюэль и его сестренка крепко спали, в доме было все спокойно, и Томас, тяжело дыша, бегом спустился вниз.

– Ее там нет, – запинаясь, проговорил он. – Ее нигде нет, ее нет в доме.

Прочтя страх в его глазах, мужчины посуровели. Неожиданно он почувствовал слабость в ногах и, чтобы не упасть, ухватился за стол.

– Она пошла к скалам, – крикнул он, – пошла через шторм, обезумев от боли.

Томас схватил фонарь и выбежал из дома, крича, чтобы остальные следовали за ним.

В дверях домов стали появляться люди.

– Что за шум и суматоха?

– У Джанет Кумбе начались роды, и она ушла на скалы, чтобы утопиться, – раздался чей-то крик.

Мужчины натягивали куртки и искали фонари, чтобы присоединиться к поискам, за ними последовали две-три женщины, искренне огорченные тем, что одна из них может пострадать. Все они, шатаясь от ветра, стали подниматься на холм вслед за Томасом, который уже намного их опередил.

– Сегодня День поминовения усопших, – перешептывались меж собой люди. – Вот мертвые и восстанут из могил, чтобы ходить по земле, и злые духи всех времен летают в воздухе.

И, стараясь держаться ближе друг к другу, они взывали к защите и милосердию Господнему: положение, в котором оказалась Джанет, вселяло ужас в их сердца.

Они собрались вокруг Томаса на вершине скалы, где шквалистый ветер едва не сбивал с ног и черное море разбивалось о прибрежные утесы.

Со всех сторон фонари высвечивали на земле белесые пятна.

– Джени! – кричал Томас. – Джени, Джени, ответь мне!

Ни следа ноги на голой траве, ни обрывка ткани в колючем терновнике.

Снова пошел дождь, он слепил людям глаза; кипящие волны, разбиваясь об утесы, поднимали к вершине скалы облака колючих, как иглы, брызг.

Ветер неистовствовал на земле и в деревьях, он завывал, стонал, рыдал, как тысячи обезумевших дьяволов, летающих в воздухе.

Но вот Томас издал слабый крик. Он держал фонарь высоко над головой, и косой луч упал на фигуру Джанет около руин Замка.

Полупреклонив колени, она сидела на траве, ее руки были широко раскинуты, пальцы сжаты в кулак, голова запрокинута. Ее одежда промокла от дождя и брызг, длинные черные волосы в беспорядке свисали на лицо.

Ее щеки покрывали следы слез и дождя. Зубы впились в израненные губы, и кровь стекала из уголка рта. Глаза горели диким, первобытным огнем, огнем первых животных, бродивших по земле, и первой женщины, познавшей боль.

Томас опустился на колени рядом с Джанет, взял ее на руки и понес по мрачному склону холма вниз, в город, в ее собственный дом, где и уложил в кровать.

Шторм бушевал всю ночь, но вот ветер наконец утих, море устало от скорбных рыданий, и на Джанет снизошел мир.

И когда она поднесла к груди плачущего младенца с темными дикими глазами и черными волосами, то поняла, что, кроме него, ничто на свете уже не имеет значения, что тот, кого она ждала, наконец пришел.

Глава восьмая

– Джозеф, оставь брата в покое! Ты мучаешь его, как дьяволенок.

– Нет, не оставлю. Он взял мою лодку и не хочет отдавать обратно, – твердо сказал мальчик.

– Я только хотел посмотреть на ее форму, – плакал Сэмюэль, вытирая слезы с лица. – Я ничего с ней не сделал. Отстань от меня, Джо, мне больно. – Мальчики сражались на полу, младший подмял старшего, Сэмюэля, под себя.

Джо, с рассыпавшимися по лицу черными волосами, поднял голову и улыбнулся, в его карих глазах горел опасный огонек.

– Отдай, или я раскрою тебе лицо, – вкрадчиво сказал он.

– Ну уж нет, приятель, этого ты не сделаешь, – вмешался Томас и, вскочив с кресла, в котором сидел у камина, растащил дерущихся мальчиков. Сэмюэль был бледен и весь дрожал, Джо смеялся как ни в чем не бывало.

– Так-то вы ведете себя в Светлое воскресенье? Разве в школе вас ничему лучшему не научили? Стыдитесь. Сэмюэль, ты отправишься в свою комнату и ляжешь спать без ужина, а ты, Джозеф, получишь хорошую взбучку.

Плача про себя и стыдясь своего поведения, Сэмюэль спокойно отправился в кровать, и Томас остался наедине со вторым сыном.

Хотя Джо было только семь лет, он был слишком высок для своего возраста, ростом он уже почти догнал Сэмюэля, которому исполнилось одиннадцать. Он стоял пред отцом, гордо приподняв подбородок, закинув голову и не сводя с его лица прямого, открытого взгляда; он был так похож на мать, что Томас на мгновение отвернулся, затем собрал всю свою твердость и спросил:

– Тебе известно, что ты дурной, злой мальчик?

Ребенок не ответил.

– Ты что, не желаешь отвечать, когда тебя спрашивает отец? Сейчас же попроси прощения, слышишь?

– Я попрошу прощения, когда ты отдашь мне лодку, и никак не раньше, – холодно ответил мальчик, после чего засунул руки в карманы и попробовал засвистеть.

Томаса поразило вызывающее поведение сына. Ни Сэмюэль, ни два младших сына, Герберт и Филипп, так себя никогда не вели. Только Джозеф всегда стремился настоять на своем, словно было в нем что-то такое, что отличало его от остальных братьев. Он и внешне не походил на них: в глазах, в лице что-то буйное, непокорное, одежда вечно порвана, башмаки в дырах.

Два-три раза в неделю он прогуливал школу или его наказывали, как правило за драки. Казалось, Томас не имел над ним никакой власти. Одна Джанет могла совладать с ним. С самого своего рождения холодной октябрьской ночью семь лет назад он был главной фигурой в доме. Он больше нуждался в уходе, чем Сэмюэль и Мэри, и первые месяцы его существования все вокруг звенело от его воплей. Более шумного ребенка просто невозможно было себе представить. И лишь когда мать крепко прижимала его к груди и что-то шептала ему на ухо, он успокаивался. Но через некоторое время он окреп и превратился в сильного, здорового мальчика. Тишина и покой покинули Дом под Плющом, теперь в нем постоянно звучали смех или яростные крики. Джозеф не был избалованным ребенком, никто не пытался излишне ему потакать или идти у него на поводу, просто сама личность мальчика выделяла его среди остальных, и было трудно в чем-либо ему отказать.

С годами его характер все более и более становился похож на материнский. С момента его появления на свет Джанет очень изменилась. Куда девалась покладистость, с какой она

отвечала на все желания Томаса в первые годы замужества? А с ней и меланхолическое настроение, которое часто посещало ее впоследствии. Она стала сильнее, отважнее, обрела полную независимость ума и тела; она уже не довольствовалась желанием угождать мужу, заботиться о домашнем очаге; ее душу уже не тревожили неосознанное томление и смутные порывы. Теперь это была не смятенная девушка, которая с удивлением смотрит на открывающийся перед ней мир; это была женщина, перешагнувшая за тридцать и давшая этому миру пятерых детей.

Томаса, который до того правил и домом, и делом, нисколько не сомневаясь в своей власти, мягко, но твердо отодвинули на второй план. В Доме под Плющом первое и последнее слово было за Джанет, теперь так стало и на верфи. Именно Джанет предлагала кое-что изменить здесь, кое-что исправить там; именно Джанет приказывала одно и отказывалась от другого. Главой фирмы был, конечно, Томас, приказания отдавал он, но и его работники, и жители Плина знали, что за ним стоит его жена. Любой работник, позволивший себе на минуту расслабиться, мгновенно с замиранием сердца хватался за инструмент, когда на верфи появлялась Джанет в сопровождении маленького Джозефа.

– Так-так, Сайлас Типпет, – говорила она, – не слишком ли много времени уходит у тебя на обшивку этой части? В чем дело?

– Не знаю, что и сказать, миссис Кумбе, – бормотал красный как рак рабочий. – Мы здесь здорово заняты, если спросите мистера Кумбе, то он...

– Вздор, приятель, – резким тоном обрывала Джанет, – эту лодку обещали к первому июня, и готова она должна быть ни днем позже. Этой доске нужны гвозди, а не капли пива с твоей бороды, так что смотри мне!

И с видом правящей королевы она стремительно уходила, держа Джозефа за руку.

Не приходилось сомневаться, что к первому июня лодка будет готова.

В Доме под Плющом и на верфи только два человека имели вес – Джанет и Джозеф. Всегда и неизменно эти двое вели дом и руководили делом: Джанет и Джозеф.

Но в 1842 году Джозеф был всего лишь семилетним мальчиком с «буйным нравом», а Джанет славилась в Плине красотой и характером.

Итак, Томас стоял в гостиной Дома под Плющом с тростью в руке, его сын стоял перед ним.

– Подойди и получи, что заслужил, – строго сказал отец.

– Не подойду, – ответил мальчик и скрестил руки на груди.

Томас сделал шаг в сторону сына и схватил его за воротник, затем заставил ребенка нагнуться и три раза сильно ударил его тростью.

Вырываясь, как чертенок, Джозеф вцепился зубами в запястье отца и до крови укусил его.

Томас выронил трость и вскрикнул, но не от боли, а в ужасе от поступка сына.

Томас был потрясен, он страшно побледнел: никто из его детей никогда не позволял себе ничего подобного.

– Бог найдет способ наказать тебя за это, – спокойным голосом проговорил он.

Джозеф схватил со стола заветную лодку и с торжествующим воплем выбрался через окно, предпочтя его двери.

Наверху несчастный Сэмюэль стоял на коленях у кровати, спрятав лицо в ладони: «Господи, сделай так, чтобы я стал хорошим мальчиком».

Расстроенный Томас сидел у камина. Когда же вернется Джанет и что она скажет?

Она ушла на чай к Саре Коллинз, захватив с собой Мэри, Герберта и маленького Филиппа.

Томас протянул руку за Библией, в которой всегда находил утешение; книга, к несчастью, открылась на Заповедях, и его взгляд упал на строчки «ибо грехи отцов падут на детей до третьего и четвертого колена...».

Он вздохнул и закрыл книгу. Он всегда любил Бога и верил в Него, за всю свою жизнь он не мог вспомнить ни одного поступка, который заслуживал бы боли, причиненной ему Джозефом. К тому же он всегда гордился своей семьей. Добрый, трудолюбивый Сэмюэль, нежная, кроткая Мэри, славный, надежный Герберт, даже тихий малыш Филипп, с мелкими, точеными чертами лица, – никто из них никогда не перечил ему, никто, кроме Джозефа.

Джанет и Джозеф, Джозеф и Джанет – всем заправляют эти двое.

Тут Томас услышал в саду шаги и голоса.

Семья возвращалась домой. Джанет вихрем влетела в комнату, дети следом за ней. Они болтали и смеялись, довольные проведенным днем.

Джанет улыбалась, ее глаза сияли, лицо разрумянилось.

– Ты, наверное, думал, что мы никогда не вернемся? – весело спросила она. – Дети так разыгрались, что мне было жаль останавливать их.

Но вот она заметила беспорядок в комнате, валяющуюся в углу трость, мрачное лицо Томаса и его перевязанную руку.

Она закусила губу, вскинула подбородок, совсем как ее сын в приступе злобы, и в глазах ее появилась жесткость.

– Где Джозеф? – быстро спросила она.

Томас поднялся с кресла и весь подобрался.

– У нас был не слишком удачный день, – медленно проговорил он. – Сэмюэль и Джозеф подрались из-за лодки Джозефа, и мне пришлось их разнимать. Я очень рассердился оттого, что они так плохо ведут себя в светлый день воскресенья. Сэмюэля я отправил в кровать, сказав, что он останется без ужина, а Джозефа, который отказался просить прощения, наказал тростью. Посмотри, что он сделал с моей рукой – он меня укусил.

Томас снял повязку и показал руку жене, словно то была ее вина. Мэри выскользнула из комнаты и побежала наверх, Герберт опустил нижнюю губу, и на глазах у него появились слезы, один маленький Филипп оставался невозмутим. Он пересек комнату, открыл шкаф, где держал свои игрушки, и уселся играть в углу.

– Где Джозеф сейчас? – осведомилась Джанет.

– Не знаю, – угрюмо ответил Томас. Он был обижен тем, что на его руку не обратили внимания. – Выпрыгнул в окно и, наверное, побежал на берег.

Джанет вышла из гостиной и поднялась в комнату, в которой жили все три мальчика. Сэмюэль сидел на кровати, Мэри рядом с ним.

– Мама, он очень жалеет, что так плохо себя вел, – поспешно сказала она.

Сэмюэль и Мэри были очень привязаны друг к другу.

– Сэмюэль, скажи мне, что случилось, – спокойно попросила Джанет. Она знала, что сын скажет правду.

– Я взял лодку Джо, посмотреть, как она сделана, – шмыгая носом, ответил бедный Сэмюэль. – Я тоже хочу сделать такую. Я не причинил ей никакого вреда. А тут подскочил Джо, ударил меня по голове и закричал: «Не трогай ее!» Я даже не успел попросить, чтобы он мне ее показал, как он повалил меня на пол. Мы стали драться, и папа нас растащил.

– Джозеф ничего тебе не повредил? – спросила Джанет, ощупывая сына.

– Нет, кажется.

– Нет, повредил, противный мальчишка! – крикнула Мэри. – У Сэмми шишка на голове. Пошупай, мама!

И действительно, на голове у Сэмюэля была небольшая припухлость, так, ничего особенного.

– Вставай, Сэмюэль, и пойдем вниз. Ты растешь, тебе вредно отправляться спать на голодный желудок. Я вижу, что драку затеял не ты. А ты, Мэри, будь хорошей девочкой и, если можешь, присмотри за ужином. Ну а я пойду поищу Джозефа.

Она знала, где его искать. Внизу, на скалах под развалинами Замка, где он пускал в широкой заводи лодку, которую она ему подарила. Был отлив, и, чтобы добраться до заводи за скалами, ей не пришлось подниматься, а затем спускаться по крутой тропе.

Конечно, Джозеф был там и, стоя по пояс в воде, подталкивал лодочку длинной палкой.

Увидев Джанет, он вскрикнул от радости и помахал ей рукой.

– Иди посмотри, – крикнул он, – как красиво она плывет!

Джанет смотрела на сына и улыбалась.

Всю его одежду придется сушить и снова, уже в который раз, чинить, да и башмаки надо будет залатать. Она с закрытыми глазами, на ощупь отличила бы его вещи от любых других. Он подбежал к ней с раскрасневшимся лицом и обнял мокрыми, покрытыми песком руками. Он нетерпеливо прыгал вокруг нее, и темный локон то и дело падал ему на лицо.

– Она называется «Джени», как и ты, – смеясь, сказал мальчик. – Я выпарапал название на корме пером Мэри. Правда, здорово? Смотри, такой лодки еще никогда не было, так ведь?

Испачканной в иле ногой он подтолкнул лодку к воде.

Но в этот момент порыв ветра подхватил великолепную «Джени», и она отплыла на более глубокое место, докуда ему было не дотянуться.

– Эй, вернись! – закричал Джозеф во всю силу своих легких. – Вернись, слышишь! – Он стал плескаться на лодку водой, но она только отплывала все дальше и дальше.

– Джозеф, сейчас же иди сюда, – сказала Джанет. Она знала, что там глубоко, а Джозеф еще не умел плавать.

Едва услышав голос матери, мальчик тут же подбежал к ней.

– Мама, я потеряю лодку, – прошептал он.

Джанет подняла палку, которую он отбросил в сторону, подобрала юбки и вскарабкалась на выступ скалы.

– Слушай, Джозеф, ты стой там, где мелко, а я подтолкну ее к тебе.

Мальчик повиновался.

– Опусть палку где поглубже! – крикнул он, дрожа от нетерпения. – Смотри, начинается зыбь. Мы еще можем ее достать.

Одной рукой цепляясь за выступ скалы, другой Джанет пыталась дотянуться палкой до лодки.

– Подожди, – взволнованно крикнула она, – у меня растрепались волосы.

Мальчик весело рассмеялся:

– Не беда, мамочка, потом поправишь. Плыви, «Джени», плыви, моя лодочка. Не бойся, мы все равно тебя достанем.

– Не шуми так, – сказала Джанет, трясаясь от смеха, – ты накличешь на нас береговую стражу. Ну, плыви же, «Джени»! Сколько нам тебя ждать? – Она еще раз подтолкнула лодку палкой. – Готово, хватай ее, Джо! Она подходит.

Лодка вплыла прямо в поджидающие ее руки Джозефа.

– Ура! – закричал он. – Я знал, что твоя тетка тебя спасет.

Джанет уселась на скале и стала приводить в порядок волосы.

Но едва она скрутила их на затылке, как Джо снова их распустил.

– Вот так, теперь ты лошадь с гривой, – сказал он и потянул за распущенные пряди. – Пойдем-ка, сегодня базарный день.

Джанет попробовала ухватиться руками за его ноги, но он приплясывал вокруг нее и все время увертывался.

– Осторожно, стража! – крикнул он.

– Господи помилуй, где? – спросила Джанет, поднимая глаза к скале.

Там никого не было. Корчась от смеха, Джозеф катался по земле, Джанет бросилась на него и принялась в шутку тузить и щекотать его, пока он не запросил пощады. Затем он обнял ее и слегка укусил за шею.

– Я буду дикий конь и растерзаю тебя на части, – сказал он.

– Ничего такого ты не сделаешь, сын мой, – сказала Джанет, ставя его на ноги. – Помоги маме привести себя в порядок.

Стоя рядом с ней, он наблюдал, как она отряхивает платье и поправляет волосы. Вдруг она вспомнила, с какой целью пришла сюда. Она взяла сына за руки и привлекла его к себе.

– Ты подрался со своим братом Сэмюэлем и укусил отца, – строго сказала она, глядя ему в глаза.

Он кивнул и тяжело сглотнул.

– Твоя жестокость их очень огорчила. Сэмюэль не имел в виду ничего дурного, и твой отец поступил справедливо. Я накажу тебя, Джо.

Он тяжело задышал, но не проронил ни слова.

– Я отберу у тебя твою лодку. Видишь вон тот высокий выступ? Там и будет лежать твоя лодка, чтобы ты не смог ее достать. Обрато ты ее получишь лишь тогда, когда на руке твоего отца не останется шрама. Я рассудила справедливо, верно, Джозеф?

Джозеф заморгал. Его лицо сильно покраснело, губы дрожали.

– Да, – сказал он.

– У отца ты попросишь прощения, а Сэмюэлю пожмешь руку. Обещаешь?

– Да.

Джанет аккуратно положила лодку на выступ, так, чтобы ее не мочил дождь. Когда Джо уже не мог ее видеть, он посмотрел на мать мокрыми от слез глазами, уткнулся лицом в ее плечо и нащупал ее руку.

Она дала ему носовой платок, и он долго и громко сморкался. Джанет отвернулась, сделав вид, будто не видит его слез.

– Ну что, пойдём? – сказала она.

– Я испачкал твое платье, – сказал он и попробовал очистить его платком.

Из носа у него текло, а на щеке застыли смешавшиеся с грязью слезы.

Она неожиданно привлекла его к себе и крепко прижала к груди.

Глава девятая

Дети играли на верфи. Сэмюэлю дали сломанную пилу и пару старых досок. Он приложил доски к стапелю и крепко сжал пилу в правой руке.

– А теперь смотрите на меня, – сказал он серьезным тоном.

Мэри с куклой в руках опустилась на колени рядом с ним и уставилась на брата горящими от гордости глазами. Герберт стоял рядом с Сэмюэлем, держа в раскрытой ладони с полдюжины ржавых гвоздей.

– Скажи, когда они будут тебе нужны, и я сразу подам, – сказал он, довольный тем, что может оказаться хоть чем-то полезным.

Вверх-вниз ходила пила, и вскоре аккуратно распиленные пополам доски упали на землю.

– Посмотрите, где я пометил доску мелом! – крикнул Сэмюэль, гордясь верностью своей руки. – Я и на четверть дюйма не сдвинулся ни в одну сторону. Герби, подай мне гвозди, так, хороший мальчик.

Три белокурые головки склонились над досками. Вдруг раздался громкий вопль, и выскочивший из-за сарая Джозеф вклинился между ними.

Дети вскрикнули от испуга.

– Осторожно, Джо, ты все испортишь.

Мальчик небрежно подбросил доски носком башмака:

– Бросьте вы эту ерунду. Слушайте меня. Вы знаете лодку старика Тима Уэста?

Дети кивнули.

– Я перерезал канат и перевел ее за верфь. Не говорите ни слова, никто ничего не заметил. Пойдемте.

– Я думаю, мы не должны... – начала Мэри. – А что скажешь ты, Сэмми?

Сэмюэль был в нерешительности. Он был старший и понимал, что хорошо, что плохо.

– Ты просто боишься, – презрительно рассмеялся Джо.

Это решило дело.

– Хорошо, идем, – поспешно сказал Сэмюэль, и лицо его залилось краской.

Они осторожно сошли по лестнице в конце верфи и плюхнулись на дно старой дырявой лодки.

Опередив Сэмюэля, Джо схватил весла и, хотя они были слишком длинны и тяжелы для него, неуклюже оттолкнул лодку от стенки дока и направил ее ко входу в гавань. На верфи никто не заметил их отплытия. Никто, кроме одного. Маленькая фигурка, выскользнув из-за пустой бочки, наблюдала за тем, как лодка исчезает за скалой.

Это был Филипп. Ростом он был гораздо меньше Герберта, хотя всего двумя годами младше. У него были мелкие, точеные черты лица, русые волосы и, в отличие от остальных детей Кумбе, маленькие, глубоко и близко посаженные глазки.

Он быстро убежал с верфи и помчался вверх по холму к Дому под Плющом. На полпути его словно осенило, и он резко остановился. В сточной канаве играл мальчик примерно одного с ним возраста.

– Помнишь, я видел, чем ты занимался в церкви в прошлое воскресенье? – шепотом спросил Филипп, говоря почти в самое ухо мальчику.

Тот покраснел и весь съежился.

– Да, – пробормотал он.

– Так вот, тебе надо пойти в Дом под Плющом и сказать, что ты видел, как мои братья и сестра увели с верфи лодку Тима Уэста. А если не пойдешь, я на тебя пожалуюсь.

– Я пойду, – сказал перепуганный мальчик, вскакивая на ноги.

– И запомни, надо сказать, что ты сам все видел. Не говори, что это я тебе рассказал. Мальчик побежал на холм, а Филипп исчез в другом направлении.

А тем временем Джо и его команда были уже перед самым входом в бухту. Порывистый южный ветер покрывал воду крупной зыбью.

Испуганная Мэри начала громко плакать, бледный как полотно Герберт почувствовал первые признаки морской болезни, Сэмюэль растерянно оглядывался по сторонам.

Только Джозеф был совершенно счастлив. Он сделал неловкое движение веслом, и вода залила ему лицо. Он запрокинул голову и рассмеялся.

– Жаль, что на ней нет мачты и паруса, – сказал он, – тогда мы направились бы прямо во Францию.

– По-моему, нам лучше вернуться, Джо, – сказал Сэмюэль. Впереди он заметил открытое море и уже догадался о том, что их судно мало пригодно для плавания.

– Чушь! – усмехнулся Джо. – Все в порядке.

Он попробовал сделать более широкий гребок, но гнилое весло сломалось пополам, опрокинув его на дно лодки, выскользнуло из уключины и поплыло по воде.

– Ну что, добился своего?! – закричал Сэмюэль.

Мэри вскрикнула и обхватила его руками. Лодку стало раскачивать еще сильнее, и Герберт, который до того мужественно сражался со своим желудком, не в силах более сдерживаться, перегнулся через борт. Его тут же стошнило. Джо посмотрел в сторону берега и понял, что прилив несет их прямо на скалы, о которые разбивались вскипающие белой пеной волны.

– Послушайте, – спокойно сказал он, – перейдите в середину лодки. Я попробую подгрести к берегу.

Он переставил оставшееся весло в затвор на транце⁸, но оно было слишком большим для него – не удержать. Сэмюэль поспешил на помощь брату, но получилось только хуже: через несколько мгновений и это единственное весло сломалось и волна унесла его.

Мэри горько плакала, Герберт в перерывах между приступами рвоты тоже.

Сэмюэль побледнел и крепко сжал руку сестры. Джо присвистнул и выставил вперед подбородок. «Я все затеял, мне и вызволять их из беды», – подумал он.

Прилив неотвратимо влек лодку к скалам.

Джо ясно видел, что выхода нет. Ему пришлось на ум, что если он обвяжет носовой фалинь⁹ вокруг пояса и попытается доплыть до пещеры у входа в бухту, то, возможно, и удастся вывести лодку на безопасное место. Отчаянная, безнадёжная мысль, но ничего другого не оставалось. Воды он не боялся; прошлым летом он научился плавать. Он скинул с себя одежду и обмотал фалинь вокруг пояса.

– Джо, не делай этого, – сказал Сэмюэль, догадавшийся о намерении брата, – ты утонешь.

Джо подмигнул ему и уже был готов прыгнуть, когда что-то заставило его поднять голову.

Он бросил взгляд на скалу и увидел, что по острым, осыпающимся камням спускается его мать. Должно быть, она сидела на вершине холма с малышкой Лиззи и все видела.

Джо не мог отвести взгляд от маленькой черной фигуры. Что, если она поскользнется...

Он ждал, готовый броситься в море. Он сорвал фалинь с пояса. Какое ему теперь дело до лодки? До того, что Сэмюэль, Мэри и Герберт могут утонуть и разбиться о скалы?

Теперь лишь одно имело для него значение: чтобы мать благополучно спустилась со скалы.

⁸ Транец – плоский срез кормы шлюпки, яхты или иного судна.

⁹ Фалинь — веревка для буксировки и привязывания шлюпки.

Он не попытался окликнуть ее, зная, что она спускается к узкой пещере в скале со стороны гавани, где на глубокой воде ярдах в двадцати от берега стоит на якоре лодка одного ловца крабов. Она подплывет к ней, снимет с буя и придет им на выручку.

Джо инстинктивно знал это. Спускаясь по скале, Джанет подняла глаза и увидела, что он смотрит на нее с носа утлой лодчонки. Она улыбнулась.

Упасть она не боялась, еще девочкой она облазила каждый выступ этой скалы. Единственное, что ей мешало, так это длинные юбки.

– Я иду, Джозеф, – сказала она, зная, что он ждет ее.

Под ней грозно шумело море, ветер развевал ее волосы, камни и земля осыпались из-под ног и рук. Рядом с ней закричала чайка, созывая своих подруг, и те принялись летать над ее головой, издавая пронзительные вопли и шумно хлопая крыльями.

Джанет громко послала им несколько проклятий, нимало не заботясь о том, что кощунствует. Ее сердце пело. То была опасность. Она любила опасность. Джанет была счастлива.

Она была абсолютно уверена в себе, она знала, что вовремя доберется до Джозефа.

Наконец ее ноги коснулись песка пещеры. Она сбросила платье и скинула туфли. Джозеф по-прежнему неподвижно стоял на носу лодки.

– Не бойтесь, дети, я иду к вам.

Она подплыла к рыбацкой лодке и с некоторым трудом забралась в нее; мокрое белье прилипло к телу, волосы струились по спине.

Джанет отцепила якорное кольцо, бросила канат и пробковый буй в воду. Затем взялась за весла и стала грести к беспомощно дрейфующей лодке, которая теперь находилась в каких-нибудь тридцати ярдах от омываемых морем скал.

– Держи фалинь наготове! – крикнула она Джозефу, и тот замер с веревкой в руках, в то время как остальные дети дрожали от страха, сгрудившись на корме.

Когда она подплыла достаточно близко, он бросил ей веревку, крикнув: «Лови!» – высоким, срывающимся голосом. Она поймала ее и быстрыми движениями привязала к своей лодке. Затем снова взялась за весла и, таща за собой лодку с детьми, вывела ее в спокойные воды бухты. Именно тогда Джозеф Кумбе в первый и последний раз в жизни потерял сознание.

Когда они входили в гавань, она увидела, что навстречу им с верфи плывет в лодке Томас и человек шесть работников. У мужа даже губы были белыми.

– Что с вами случилось? – крикнул он, дрожа от страха при одной мысли, что с ней или с кем-нибудь из детей могло произойти несчастье.

– Все хорошо, – спокойно ответила Джанет. – Никто не пострадал.

– Я шел из дома, – крикнул Томас, – и на меня наткнулся малыш Гарри Таббса, который бежал сказать, что Джозеф перерезал фалинь лодки Тима Уэста и вместе с остальными уплыл из гавани. Я бросился со всех ног и вскочил в эту лодку. Как раз когда мы в нее селись, подходит миссис Коллинз с Лиззи на руках. «Я нашла вашу крошку всю в слезах там, наверху, за развалинами Замка, – говорит она. – Боюсь, с ее матерью приключилась беда». Но у меня не было времени ждать.

Вскоре они уже были около верфи, и там все объяснилось.

– Тебе не стыдно, Джозеф? – сердитым голосом спросил отец. – Да и вам тоже, скверные дети, за то, что его послушались?

– Оставь их в покое, – тут же вмешалась Джанет, – думаю, они уже и так достаточно наказаны.

Небольшая компания с трудом побрела вверх по холму.

Филипп ждал в гостиной, держа на коленях раскрытый том «Рассказов о Христе». Рядом, с Лиззи на руках, стояла добродушная Сара Коллинз.

– Бедняжка Джанет, – воскликнула она, – скорее иди-ка сюда и как следует обсохни, дорогая!

– А ты где был, Филипп? – устало спросил Томас.

Дети были для него нелегкой ношей.

– Спокойно читал здесь, дорогой папочка, – кротко ответил маленький Филипп.

– Единственный нормальный из всего выводка, – вздохнул Томас и, посадив Филиппа себе на колени, дал ему кусок кекса.

Остальные дети, жалкие и совершенно несчастные, сбились в кучку перед камином, недоумевая, как это мальчишка мистера Таббса мог заметить их побег.

Во всяком случае, они все равно не утонули бы, мама спасла бы их.

Мама всегда приходила на выручку вовремя.

А маленький Филипп спокойно наблюдал за ними с отцовских колен, слизывая с губ крошки кекса.

– Папочка, дорогой, можно мне еще кусочек кекса? – спросил он.

Наверху добрая миссис Коллинз укладывала Лиззи спать. В комнате мальчиков Джанет, стоя на коленях перед кроватью Джозефа, обнимала рыдавшего от горя сына.

– Я боялся, что ты упадешь, – уткнувшись лицом в ее шею и задыхаясь от слез, говорил он. – У меня просто сердце разрывалось, когда я смотрел, как ты спускаешься по этой скале. Я этого никогда не забуду. Никогда-никогда, до самой смерти! Ты лезешь вниз по голому склону, а чайки кричат и бьют тебя по лицу крыльями.

Она поцеловала его мокрые глаза и откинула волосы с лица:

– Успокойся, мой любимый, с твоей мамой никогда не случится ничего дурного. Я здесь, чтобы заботиться о тебе. Ты знаешь, что нехорошо было брать старую лодку, и твои страдания, когда ты видел, как я спускаюсь по скале, научат тебя усмирять свои буйные и необдуманные порывы.

– Мама, я больше никогда не буду плохим. Но временами на меня нападает какая-то лихорадка, меня так и тянет взять лодку и уплыть – неважно куда, лишь бы в море, где ветер будет дуть мне в лицо. – Он обвил руками ее шею. – Ты понимаешь. Я знаю, только ты можешь понять этот злой, вечно куда-то зовущий дух, который живет во мне.

Тесно прижавшись друг к другу, сидели они в темной комнате.

– Когда я вырасту, ты уйдешь, правда? – прошептал он. – У нас будет собственный корабль, и мы уплывем туда, куда понесет нас ветер. Ты знаешь, что ни о чем другом я не думаю, ведь знаешь?

– Да, Джозеф, – прошептала она в ответ.

– Я не собираюсь оставаться на верфи вместе с отцом, Сэмюэлем и Герби, – сказал он. – Я буду моряком, как много раз уже говорил тебе. И когда я стану капитаном моего корабля – он будет называться «Джанет Кумбе», – ты будешь со мной, вместе со мной встречать опасности и великие чудеса. Обещай, что ты уплывешь со мной, – обещаешь? – Он взял ее за подбородок.

Она закрыла глаза:

– Обещаю.

– Знаешь, мой корабль будет самым быстроходным в Плине, и его нос будет украшать твоя фигура, и весь мир будет восхищаться твоими глазами и улыбкой.

Джанет стояла на коленях, крепко прижимая к себе сына.

Внутреннему взору обоих предстало видение корабля с наполненными ветром белыми парусами. Джозеф смеется, ветер дует ему в лицо, а на носу судна – руки прижаты к груди, голова гордо закинута – вырезанная из дерева фигура Джанет.

– Ты будешь гордиться мной? – шепотом спросил мальчик.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Глава десятая

Казалось, что происшествие с лодкой и спасение, подоспевшее в последнюю минуту, еще больше связали Джанет и Джозефа, если только такое было возможно. Но не узы плоти и крови делали их частью друг друга и даже не сознание того, что их души и тела отлиты по единой модели; нет, то был духовный союз, бросающий вызов времени и вечности, нечто, существовавшее между ними еще до рождения, до физического зачатия каждого из них. Джанет оставалась верной и преданной женой Томасу, любящей, заботливой матерью остальным детям, но с Джозефом ее связывали понимание и любовь, в которых было что-то от бессмертия. Она часто читала его мысли и желания, прежде чем он успевал их высказать; стоило малейшей тени лечь на его лицо, она уже знала ее причину. Его радости были ее радостями, его детские горести – ее горестями. Он был ее вторым воплощением, и ему предстояло заняться тем, чего не дано было ей, женщине. Он любит море и корабли с той же страстью, что и она, и, став мужчиной, сделается моряком, и она его глазами увидит все то, о чем ей приходилось только мечтать.

Теперь она знала, что больше никогда не будет одинокой; расставание с Джозефом не отнимет его у нее. Знал это и он; они никогда не говорили о таких вещах, но ее мимолетная улыбка, прикосновение руки, взгляд, брошенный на него через стол, переполняли его идущим от нее теплом, и душа его ликовала, принимая этот дар.

Когда отец, братья и сестры собирались вокруг стола, Джозеф с волнением и сладкой радостью чувствовал себя заговорщиком. Его мать сидит перед расставленными рядом с ней чашками, рука поднята и согнута в локте, отчего ткань на рукаве платья собирается тысячью мелких складок, пальцы постукивают по ручке чайника. Слева от нее сидит Лиззи, младший ребенок в семье, бледная, хрупкая девочка, лицом отдаленно похожая на Джанет. Сэмюэль, старший из братьев, сидит справа. Джозеф всегда усаживался за столом так, чтобы видеть, как свет лампы окружает черные волосы Джанет золотым ореолом.

Он обводил взглядом всех собравшихся за столом: отец что-то рассказывает, медленно и сосредоточенно пережевывая пищу, Сэмюэль и Мэри обсуждают то, о чем рассказывал в школе учитель, Филипп что-то украдкой хватая с тарелки Герберта, пока тот, раскрыв рот, слушает Сэмюэля.

Джозеф улыбался про себя: «А они-то ни о чем даже не догадываются». Затем смотрел, как мать на мгновение склоняет голову к Лиззи. У него возникало инстинктивное желание, чтобы она посмотрела на него, и Джанет через секунду поднимала глаза, встречалась с ним взглядом, исполненным такого света, что он всем существом покорялся его власти, мягкой, неодолимой, более сильной, чем сама жизнь.

– Джозеф, хочешь еще чаю?

И он протягивал чашку, стараясь пальцами коснуться ее руки:

– Да, мама, спасибо.

И они улыбались друг другу, безрассудно, слепо, будто им одним была ведома некая тайна, и презирали все человечество. Он не без гордости заметил, что, когда она произносит его имя, ее голос меняется.

При обращении к отцу тон ее голоса был мягким, нежным, к братьям и Мэри – теплым, веселым, к Лиззи, возможно, более заботливым, но для него в нем находились нотки, которые по праву принадлежали только ему, – что-то между шепотом и лаской, словно она прижимала его к себе, стоя рядом с ним в темноте на коленях. «Джозеф, – говорила она, – Джозеф».

Во второй половине дня, когда работа по дому бывала закончена, а Томас еще не вернулся с верфи, Джанет часто разрешала Мэри и Сэму погулять с младшими детьми, наказав им особенно внимательно следить за Лиззи, которой не следовало слишком уставать. И вот,

когда в доме наступали тишина и покой, а Джанет перед небольшим зеркалом в спальне приводила в порядок волосы и оглядывалась, ища капор и шаль, за дверью раздавались осторожные шаги крадущегося на цыпочках. Она знала, что это значит, и сердце ее начинало радостно биться, однако она делала вид, что ничего не слышит, и принималась напевать какую-нибудь песенку.

Вдруг она чувствовала, что кто-то сзади берет ее за локти и прижимается головой к ее спине; затем локти ее освобождались, две руки проскальзывали под ее ладони и осторожно ползли вверх. Она, смеясь, оборачивалась, проводила руками по его волосам и прижималась лицом к его щеке.

– Почему ты не пошел с остальными? – шепотом спрашивала она.

– Почему ты надеваешь уличную одежду? – так же шепотом отвечал он вопросом на вопрос.

– Ах да, ты ведь не знаешь, – говорила она. – Вышло так, что мне надо сходить к миссис Хокен. Говорят, ей нездоровится, и она, бедняжка, ждет, чтобы я ее развеселила.

– Мне очень жаль, но миссис Хокен будет разочарована, – беззаботно говорил Джозеф, – потому что выйдет так, что ты к ней не сходишь.

– Нет? А почему же, сынок?

– А потому, что ты пойдешь со мной, и ты это сама знаешь.

– Нет, не знаю, – притворялась она.

– Нет, знаешь, – говорил Джозеф.

И из опасения, что остальные могут вернуться, они крадучись выходили из дома и, минуя главную улицу Плина, взбирались по узкой тропе, которая бежала за домами к скалам и развалинам Замка. Там они проводили время, глядя на море: она – сидя спиной к стене с поджатыми ногами, он – растянувшись во весь рост на траве, подперев подбородок руками, жуя соломинку и то и дело отводя взгляд от горизонта, чтобы взглянуть на ее лицо.

Она рассказывала ему о своем детстве, о том, как мечтала быть мужчиной, о своих буйных фантазиях, о том, как ей хотелось по примеру овец и коров убежать на холмы и вести там жизнь, полную приключений и встреч с неизвестным. Он держал ее за руку; он понимал – ведь то были и его желания, и он несколько не сомневался, что придет день и они вместе их осуществят.

– Говори, говори! – умолял он. – Никогда не переставай рассказывать мне о своих желаниях и мыслях, о том, что ты чувствовала, когда была девочкой. Мне кажется, будто я всегда знал о них и помнил.

Он попросил описать ему ее фигуру и лицо.

– Ты с тех пор очень изменилась, была такой же тонкой и легкой, как маленькая Лиз?

– Да, может быть, что-то вроде Лиз. Но я никогда не была слаба здоровьем. Скорее, Джозеф, я была похожа на тебя.

Он сильнее закусил соломинку и от гордости щелкнул зубами.

– Я знаю, что сейчас, в эту минуту, ты красивее всех в Плине, но мне все равно очень хотелось бы увидеть, какой ты была тогда, легкой и хрупкой, не больше, чем Мэри.

Она посмотрела на его голову и постаралась вспомнить, каким он привиделся ей тогда на холме – усталым, пожилым, с измученными, ввалившимися глазами; сейчас же у ее ног лежал мальчик с черными волосами и буйным, беззаботным духом.

Его путь предначертан; возможно, он будет тернист и мучителен, но она будет рядом.

Они вдруг задумались и некоторое время сидели молча. Он развязал ее капор и, сняв, положил ей на колени.

– Я хочу смотреть, как ветер играет твоими волосами, – лукаво проговорил он.

Зная, что у него на уме, она отодвинулась, поскольку иначе через пару секунд он выдернул бы шпильки и рассыпал ей волосы по плечам.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она со счастливым вздохом. Она не сердилась, нет, но порой его причуды ее тревожили.

– Не знаю. – Он лежал на боку и поглаживал пальцами ее руку. – Когда я уйду в море, то в заморских странах накуплю тебе драгоценностей, разной одежды, а еще кружев и духов. Как контрабандист, спрячу их от таможенников и темной ночью принесу в твою комнату. Мы закутаем тебя в одежды, и я надену драгоценные украшения тебе на шею и запястья. Духами помажем тебе брови, уши и немного капнем в ямку на локте.

– А что еще, Джозеф, ты мне привезешь?

– А разве этого мало, жадный ты ангел? Мы, конечно, никому ничего не скажем. Это будет наша страшная тайна.

– И куда же ты намерен отправиться, сынок?

– Пожалуй, я пересеку весь мир, от Китая до Перу, как пишут в нашей школьной книжке стихов. Я увижу огромные города, где ходят толпы богато одетых людей с темной, ярко раскрашенной кожей. Там будут дворцы и короли, горы до самого неба и леса, которые тянутся от страны до страны и где тишину нарушают только пение птиц и мрачный шелест листьев. Но лучше всего само море, когда по несколько дней подряд не видно земли и только волны разбиваются о нос корабля. Ветер, как удар по щеке, и колючий дождь.

– И ты будешь любить это больше всего остального?

– Больше всего, кроме того, что ты ждешь меня на вершине Плинского холма. Мы еще не обогнули мыс Лизард, а я знаю, что ты уже там. Все города и океаны ничто в сравнении с тем моментом, когда я увижу, как ты стоишь у развалин Замка. Ты придешь одна, без отца, без Сэма и всех остальных, – ты одна, ради меня.

– Тебе будет жаль возвращаться? – спросила Джанет, заранее зная ответ.

– А как ты думаешь?

Он немного помолчал, затем снова заговорил, жуя соломинку:

– Я так и вижу свой корабль. Вижу его оснастку, длинные, изящные линии корпуса. Раздуваемые ветром паруса. Когда я ему позволяю, он мчится, как дьявол, смеясь от радости, что вырвался на свободу, но достаточно одного прикосновения моей руки, и он понимает, покоряется моей воле, зная, что я его капитан, и любя меня за это.

Джозеф нагнулся и смотрел на Джанет, словно обнимая всю ее взглядом своих прищуренных глаз.

– Джозеф, что с тобой? – спросила она, чувствуя на себе его странный взгляд.

Он засмеялся, выплюнул соломинку на землю и протянул руку.

– Женщины как корабли, – сказал он.

Глава одиннадцатая

Дети росли, а маленький город Плин ширился и становился краше.

Плин был уже не тем, каким Джанет знала его девочкой и каким видела с вершины холма в утро своей свадьбы. Былая атмосфера тишины и покоя, казалось, исчезла, как исчезла и приютившаяся у подножия холма деревушка, где во время прилива воды гавани подбирались чуть не к дверям домов. В былые дни гавань зачастую пустовала, если не считать нескольких рыбачьих люггеров, принадлежавших местным жителям, и когда мужчины возвращались с рыбной ловли или спускались по окончании работы с полей, то частенько задерживались у ограды двора Кумбе, чтобы поболтать, дымя трубками; на камнях сушились сети, и ничто не привлекало взгляда, кроме чаек, ныряющих за рыбой в воду, дыма, выходящего из труб соседних домов, да женщин, поджидающих на пороге.

Порой грачи тучей взмоют с деревьев над домом сквайра Трелони и закружат в воздухе, клича друг друга.

Первое время после свадьбы Джанет с Томасом нередко бродили летними вечерами в полях над Плином, любуясь оранжевыми узорами, которые солнце рисовало на воде. Тогда ни единого звука не долетало из гавани, разве что время от времени легкий всплеск весла, когда кто-то вызволял свою лодку из водорослей, плывя вдоль высокого берега в Полмир.

Они смотрели, как темный силуэт лодки медленно сливается с тенью опускающихся сумерек. На какое-то мгновение солнце освещало дальний холм вспышкой пламени – она отражалась в окнах домов Плина и весело играла на шиферных крышах – и тут же садилось за высоким маяком, стоящим на голой скале над Пеннитинскими песками. На воде догорили последние краски дня, колосющаяся рожь золотилась в гаснущих лучах солнца. Плин погружался в тишину, лишь изредка доносился из темноты чей-то далекий крик или собачий лай с фермы в Полмирской долине. По воскресеньям колокола Лэннокской церкви созывали жителей Плина к вечерней молитве, и те по ведущей через поля тропинке шли в церковь за Полмиром. Перед ужином молодые люди – влюбленные или такие же, как Джанет и Томас, молодожены – поднимались по крутому холму к развалинам Замка и ждали восхода луны; наконец она появлялась, белая, призрачная, и высвечивала на воде магическую дорожку, которая тянулась к самому горизонту и походила на указующий перст.

Таковы были мир и покой, царившие в Плине, затерянном в глуши, вдали от городского шума. Затем мало-помалу все стало меняться. Было открыто значение фарфоровой глины, и началось строительство шахт. У самого устья реки возвели грубые пирсы, на которые свозили глину.

За глиной приходило множество судов, и гавань теперь часто представляла собой лес мачт, ожидающих своей очереди, чтобы подойти к пирсу.

Жители Плина бурно радовались росту их города: ведь торговля принесет им процветание и богатство. Ворчали только недовольные переменами старики.

«К чему нам эти корабли и глина? – брюзжали они. – От них с утра до ночи в гавани только и слышно что лязг да скрежет. Почему бы им не оставить Плин в покое?»

Склон холма застроился новыми домами, более солидными и основательными, чем старые коттеджи у воды, с высокими, занавешенными портьерами окнами. Затейливые решетчатые окна коттеджей сочли старомодными и грубыми; крыши стали крыть не мягким серым шифером, а черным блестящим железом. На троне теперь была королева Виктория, и в гостиных Плина висели ее портреты, на которых она была изображена рядом с принцем-консортом¹⁰.

¹⁰ *Принц-консорт* — в Великобритании супруг царствующей королевы, не являющийся сам королем. Здесь: супруг

Из сонной, ленивой гавани Плин превратился в деловой порт, и воздух над ним наполнился скрипом кораблей и шумом погрузочных работ. Корабельная верфь Томаса Кумбе была очень важна для Плина. Из ее дока теперь выходили крупные суда: корабли водоизмещением больше ста тонн, шхуны, баркентины...

Томасу было уже сорок восемь лет, характер его мало изменился, но работа давала о себе знать: плечи его ссутулились, под глазами появились усталые морщинки. Думал он только о своем деле и о положении, которое оно принесло ему в Плине. Он был предан жене и семье, но дело стояло для него на первом месте. Они по-прежнему жили в Доме под Плющом. Здесь ничего не изменилось, не изменилась и большая, теплая кухня, где вся семья собиралась за столом во время еды.

Мэри помогла матери сшить новые портьеры для гостиной, а в углу этой комнаты появилась фисгармония, на которой Мэри научилась играть.

Сэмюэль стал работать вместе с отцом на верфи и проявил себя таким же добросовестным и сметливым работником, каким в его возрасте был Томас. Он действительно стал правой рукой отца, и Герберт, стараясь во всем походить на брата, учился у него мастерству. Возможно, вскоре на вывеске над верфью появится новая надпись – «Томас Кумбе и сыновья». Эта мечта никогда не покидала Сэмюэля и Герберта.

Мэри продолжала жить в Доме под Плющом; она была все такой же веселой, услужливой и не желала для себя ничего лучшего, чем остаться там навсегда и заботиться об отце и братьях.

Филипп, похоже, не испытывал желания со временем присоединиться к братьям на верфи. Это был до странности скрытный мальчик, водивший компанию со своими собственными друзьями и занятый собственными мыслями, говорил он мало и большую часть времени проводил за чтением в углу.

Лиззи уже исполнилось десять лет, и эта славная, добрая девочка, которая, казалось, радуется всем окружающим, была в семье общей любимицей.

А Джозеф? В свои восемнадцать лет он был выше отца и братьев, у него были мощные квадратные плечи и широкая грудь. За исключением Лиззи, он единственный из всех Кумбе был темноволос. Волосы у него были густые и курчавые, на щеках уже пробивались бачки, и выглядел он старше своего брата Сэмюэля, которому шел двадцать второй год. Осторожности он еще не научился. В Плине не было ни одного мужчины, с которым он не готов был бы подраться ради одного удовольствия, и не случалось ни одной дикой выходки, где он не был бы зачинщиком. При упоминании имени Джо Кумбе старики только головами качали.

Девушки Плина, когда он смотрел на них в церкви, заливались краской, чего он явно и добивался, и, собираясь в стайку, хихикали и взволнованно шептались, когда он проходил мимо них по улице. «Как бесчестно он обошелся с Эмми Типпит», – шептала одна. «Ах, а теперь, говорят, он занялся Полли Роджерс», – шептала другая. И они принимались гадать, кто окажется следующей жертвой. Что, если одна из них? Тайный огонь желания загорался в их сердцах, и погасить его было выше их сил.

Джозефу было самое время уходить в море. Именно это он и собирался сделать.

Совсем скоро он поступит юнгой на «Фрэнсис Хоуп» к капитану Коллинзу, мужу Сары Коллинз.

Джозеф чувствовал, что мечта всей его жизни близка к осуществлению. Уйти в море, бросить Плин и его скучных, сварливых людишек, которые вечно мешали ему делать то, что хочется. Он не боялся, что на баркентине придется вести трудную жизнь, терпеть грубое, хуже, чем с собакой, обращение, долгие часы проводить в промокшей насквозь одежде, довольствоваться скудной пищей и несколькими часами сна в сутки; это жизнь настоящего

мужчины и, несмотря на необходимость с утра до вечера подчиняться чужим приказам, вольная жизнь. Он смеялся над Сэмюэлем и Гербертом, которые, проведя целый день на верфи, возвращались домой такими довольными и гордыми собой. Что знают они о настоящей работе? Ледяной вихрь и пропитанные морской водой паруса, скользкие палубы во тьме, жесткие, режущие пальцы канаты, волны и ветер, восставшие против твоей жизни, крики и проклятия грубой команды... Никто из близких не завидовал ему – никто, кроме Джанет, его матери. В свои сорок два года она не изменилась; время не сказалось на ней. Не было у Джанет ни морщин под глазами, ни седых прядей в волосах.

Родив шестерых детей, она по-прежнему оставалась стройной, как молодая женщина. Глаза были дерзкими и бесстрашными, подбородок еще более решительным, чем прежде. Только она завидовала Джозефу. Ничего не желала она так страстно, как быть с ним рядом на его первом корабле, делить с ним все лишения и опасности.

Еще прежде, чем он пришел к ней, прежде, чем родился, она знала, что море призовет его к себе, как призвало бы и ее, будь она мужчиной.

Она гордилась тем, что Джозеф станет моряком, но сердце ее холодело от боли при мысли о расставании. Она презирала себя за эту слабость, она, никогда не боявшаяся ни смерти, ни опасности. Рассудок говорил ей, что дух ее последует за Джозефом; но тело ее требовало его тела, ей было невыносимо сознавать, что его глаза уже не засветятся при встрече с ее глазами, что голос его уже не коснется ее слуха, что руки его уже не обнимут ее плеч. Она должна бороться с этой слабостью, бороться всеми силами, которых ей не занимать, бороться и победить самое себя.

Она не пыталась скрыть свою боль от Джозефа; они никогда ничего не скрывали друг от друга.

В эти последние дни они мало разговаривали. Делали вид, будто слишком заняты новой одеждой для Джозефа. Джозеф ни секунды не сидел на месте. Чтобы не думать, он носился по окрестностям, на Полмирской ферме подрался с сыном фермера и едва унес ноги от работников, за один день переспал с тремя девушками Плина и тут же о них забыл. На верфи он отвлек от работы отца и брата, которые были заняты на строительстве нового судна. Испортил кексы, которые Мэри испекла на ужин, спрятал куклу Лиззи за фисгармонию, откуда она не могла ее достать, сгреб в охапку книги Филиппа и бросил их на дно высохшего и давно заброшенного пруда в дальнем конце сада.

В таком буйном настроении его еще никогда не видели: он пел и кричал во весь голос, сломал стул в гостиной, дом сотрясаясь от наводимого им шума и топота.

– Пока ты не уедешь, здесь не будет покоя! – в негодовании крикнула Мэри.

– Ура! Ура! Еще только один день! – бушевал Джо. Его глаза сияли, волосы рассыпались по лицу.

Одна Джанет понимала: то был последний слепой вызов, демонстрация мнимой силы, и всякий раз, когда он через комнату бросал на нее дикий, горестный взгляд, в нем горело: «Я люблю тебя, люблю, люблю».

Он увидел, как она опустила голову, кровь отхлынула от ее лица, и на нем появилось выражение неизбывной муки. Она стиснула руки и, отвернувшись, посмотрела на огонь.

– Осторожнее с горячими тарелками, Мэри, – сказала она твердым голосом.

Джозеф больше не мог выносить этого. Он выбежал из комнаты, бросился вон из дома и, громко богохульствуя, стал, как безумный, взбираться по крутому холму к скале. Слезы бессильной злобы текли по его щекам. Ветер клонил деревья, раскачивал кусты, в дальних полях жалобно блеяли овцы. Но он не замечал ничего вокруг и видел только лицо Джанет, ее темные глаза, глядящие в его глаза. У себя на лбу он чувствовал ее холодные руки, слышал ее тихий голос, произносящий его имя. Ему чудился звук ее шагов, шуршание ее юбки.

Он вспоминал силу ее рук, на которых она качала его маленьким мальчиком, ее чистый, сладкий запах, который он вдыхал, прижимаясь головой к ее груди. Вспоминал, как смотрел на нее снизу вверх, держал ее за руку, как бежал со всех ног, чтобы забраться к ней на колени и прошептать ей на ухо какой-нибудь вздор. Как она опускалась перед его кроватью, чтобы его успокоить, а Сэмюэль и Герберт тем временем спали в углу как убитые. Как они смеялись и шептались в темноте, словно заговорщики, а потом он смотрел, как она, подобно бледному призраку, выскальзывает из комнаты, прикрывая рукой свечу; ее глаза сияют, а к губам прижат палец.

Джозеф добрался до вершины скалы, упал ничком и стал рвать землю руками. Он стоял и бился, словно от физической боли: «Проклятие, проклятие, проклятие!»

А тем временем в Доме под Плющом Джанет сидела во главе стола и семья собиралась к ужину.

Томас, нахмурясь, огляделся по сторонам:

– А где Джозеф? Из-за завтрашнего отъезда парень так обезумел, что теперь с ним и вовсе не сладишь.

– Оставь его в покое, – мягко заметила Джанет. – Наверное, он у себя в комнате и кончает собираться.

Она отлично знала, что он убежал из дома и сейчас клянет все на свете у развалин Замка.

– О нет, вовсе нет, – вставил Филипп, ухмыляясь. – Он как угорелый помчался на холм. И сейчас целуется на прощание с какой-нибудь из своих девчонок.

– Самое время уходить в море, – задумчиво пробормотал Томас.

Джанет через стол посмотрела на младшего сына. Что за странный врожденный изъян заставляет его временами быть таким подлым и хитрым? Он единственный из ее детей, кому она не доверяет. Способнее и умнее остальных, но в характере у него есть что-то такое, что заставляет ее содрогаться. Сейчас он вполне безобиден, но когда станет мужчиной, что тогда?

Не в том ли причина его отличия от остальных, размышляла Джанет, что после его рождения она была очень слаба и не могла кормить ребенка грудью? Поэтому она никогда не чувствовала его совсем своим.

Она отвела взгляд от Филиппа и взглянула на часы на стене. Джозеф, конечно, придет голодный. Она знала, что в этот последний вечер ему будет неприятно сидеть за столом со всей семьей и он захочет остаться с ней наедине. В этот момент в комнату вошел Джозеф. Его одежда была в грязи, а на щеке проступала уродливая красная метка.

Джанет знала: это означает, что он плакал.

Все посмотрели на него. Они подумали, что он, наверное, поранился об изгородь.

Только Филипп тихо, словно про себя, рассмеялся.

– Неужели она так здорово тебя расцарапала? – спросил он.

– Филипп, замолчи, – резко оборвала его мать и протянула Джозефу его тарелку.

Джозеф молча сел и за весь ужин не проронил ни слова. Остальные не обращали на него внимания: они привыкли к странным переменам в настроении Джо.

Когда убрали со стола, все, как обычно по вечерам, расселись вокруг камина. Джанет и Мэри взялись за рукоделие, маленькая Лиззи училась у сестры новому узору. Казалось, она единственная из всех замечала страдание в глазах матери и Джозефа. Один раз она даже прошла через комнату и сжала руку брата. Джозеф с удивлением посмотрел на нее и первый раз в жизни заметил, что выражением лица она очень похожа на Джанет. Он слегка потянул сестру за кудряшки и улыбнулся.

– Я обязательно привезу тебе новую куколку, – сказал он ей.

Томас сидел в своем кресле напротив жены с книгой в руках. Он прищурил глаза на мелкий шрифт и, пошарив в кармане, достал очки. Как стар он был в сравнении с тем Томасом, который двадцать лет назад поцеловал Джанет на вершине Плинского холма. Однако сам он не замечал этой разницы.

Герберт и Сэмюэль в углу комнаты чистили ружье Сэмюэля, Филипп считал деньги в своей копилке. Серебра у него всегда было больше, чем у остальных. Джозеф, засунув руки в карманы, стоял у окна, так что видна была только его спина.

На стене тикали и покашливали старые часы, в камине лениво горел огонь.

Томас закрыл книгу, откинул голову на спинку кресла и снял очки. Глаза у него слипались, он вздохнул, широко открыл рот и смачно зевнул.

– Пойду-ка я наверх, дорогая, – сказал он, обращаясь к Джанет.

– Конечно, Томас, – ответила она. – Да и тебе, Лиззи, уже пора спать.

В комнате девочек слышался легкий топот ножек Лиззи, в спальне над крыльцом – тяжелые шаги Томаса.

Время от времени громко поскрипывал дощатый пол. Один за другим остальные потянулись к своим кроватям, и вскоре Джанет и Джозеф остались вдвоем.

Она отложила рукоделие и разворошила кочергой догорающие угли. В комнате было зябко и мрачно. Джозеф погасил лампу и задул свечи. Он раздвинул портьеры, и лунный свет вывел на ковре белый узор. Затем он пересек комнату и во тьме опустился на колени перед Джанет.

– Ты знаешь, как сильно я тебя люблю? – прошептал он.

– Да, Джозеф.

Он взял ее руку и поцеловал в ладонь.

– Кажется, я никогда не понимал, что значит для меня потерять тебя.

Когда он произнес эти слова, она опустила голову ему на плечо.

– Но ты не теряешь меня, Джозеф. Это вовсе не расставание, для тебя это возможность найти себя и жить той жизнью, которая тебе подходит.

– Вдали от тебя не жизнь, а горе и страдание, которые превратят меня в камень, пока я снова не окажусь рядом с тобой.

– Замолчи, Джозеф, я не позволяю тебе говорить такие вещи. Трусость недостойна мужчины, недостойна таких, как ты и я.

Он впился ногтями в ее руку:

– Ты называешь меня трусом, да?

– Да, мы оба трусы, и мне стыдно за себя.

Он протянул руку и взял Джанет за подбородок.

– Я знал, что он будет высоко поднят, – улыбнулся Джозеф. – Но это ни к чему, давай не будем храбриться в эти последние несколько часов, что нам осталось быть вместе. Сейчас для меня мало толку в храбрости. Я хочу пролежать здесь всю ночь, плакать у твоих ног и молиться на тебя, молиться тихо и молча.

Он склонил голову, и Джанет, засмеявшись во тьме, поцеловала его в затылок:

– И долго ты намерен оставаться таким ребенком?

– Всегда. Никогда. Не знаю.

– Почему я не мужчина и не могу идти с тобой рядом? – вздохнула она. – Я проводила бы с тобой дни напролет и училась бы жизни моряка. Так и вижу, как судно кренится под ветром, как в штормовую погоду волны заливают палубу. А я босиком, с непокрытой головой, и вкус соли на потрескавшихся губах. Ночью поцелуй ветра и дождя, крики команды в темноте, а потом вдруг тучи расходятся, на небе ярко сияет белая звезда.

– Пойдем со мной, – сказал он. – Я найду для тебя одежду, скажу, что ты Сэм; пойдем, чтобы я не был один.

– Ты никогда не будешь один, Джозеф. Обещай мне, что ты никогда не будешь один.

– Так точно! Обещаю.

– А твои носки, ведь их надо штопать? И кормить тебя не будут как следует. Ах! Страшно даже подумать, как ты будешь там без меня.

– Мама, дорогая, любимая, все будет в порядке. Посмотри, теперь я настоящий храбрец, а ты вся побледнела и дрожишь, как ягненок в поле. – Он поднял ее на руки и стал легонько покачивать. – Ну и где же твой гордый подбородок?

– Все это притворство, и так было всегда, всю жизнь, – прошептала она. – И ты это знаешь, верно?

Она рассмеялась сквозь слезы.

– Перестань, перестань же, – сказал он. – Ведь мы так здорово говорили о храбрости. Послушай, что бы я ни делал и где бы ни находился, каждую ночь в этот час я буду искать на небе звезду; и если решу, что хоть одна звезда указывает пальцем на Плин, я буду закрывать глаза и желать тебе доброй ночи.

– Джозеф, что навело тебя на эту мысль?

– Сегодня вечером у развалин Замка она сама пришла ко мне и принесла утешение. Когда я буду в море, ты в это же самое время будешь высовываться из окна своей комнаты над крыльцом; и звезда, которая будет стоять прямо над тобой, будет той самой звездой, на которую смотрю я.

– Я запомню, Джозеф. Каждую ночь. А ты сам не забудешь?

– Никогда, никогда.

Она взяла его лицо в руки и улыбнулась; лунный свет тенью пробежал в его глазах.

– Мой малыш, мой дорогой.

В камине опадал пепел, на стене медленно, торжественно тикали часы.

На следующий день дул северный ветер, и, хотя было воскресенье, капитан Коллинз твердо решил отчалить с вечерним отливом. Вещи Джозефа были доставлены на борт и помещены рядом с его койкой в носовом кубрике. Вся семья спустилась в порт, чтобы проводить его и пожелать ему счастливого плавания. Томас тепло пожал сыну руку и, пожалуй, слишком старательно высморкался, когда увидел, как он вместе с другими матросами спускается в шлюпку и отплывает к кораблю.

Томас любил своего красавца-сына и, несмотря на все его буйные выходки, гордился им. Сэмюэль, Герберт и Филипп хлопали брата по плечу, в шутку называя заправским моряком, а сам он до конца остался верен смеху и шуткам. Мэри украдкой положила ему в карман пару шафрановых булочек, а Лиззи подарила букетик белого вереска, который нарвала на холмах. Джанет стояла немного поодаль и спокойно разговаривала с кем-то из знакомых. Джозеф тоже не решался подойти к ней, отпуская в разговоре с отцом какие-то веселые замечания по поводу погоды.

Проходили последние минуты, нет, уже летели – все быстрее, быстрее уносились они в беспощадном потоке времени. Джозеф сделал шаг в сторону Джанет. Шлюпка была готова отчалить к кораблю, ждали только его.

Джозеф схватил руки матери и торопливо, порывисто поцеловал ее в шею под ухом.

– Я не могу собраться со словами, – пробормотал он, – было что-то... много чего, что я собирался тебе сказать. Все вылетело... в моей голове нет ни одной мысли.

Он тяжело сглотнул. Джанет смотрела поверх его головы. Казалось, в ее сердце не было ни единого чувства. Ее члены окаменели, язык отказывался двигаться. Она заметила, что у Мэри капор съехал набок, отчего у той был глупый вид, словно у пьяной. Не забыть бы сказать ей об этом.

– Да, – только и промолвила она.

– Не... не простудись... не заболей, не забудь, что вечерами уже прохладно, – сказал он ей с отчаянием в голосе.

– Нет... ах! Нет! – Джанет с удивлением слышала собственный голос, глухой и холодный. – До свидания. – Она с ужасом посмотрела на него, ее глаза пожирали его лицо, руки нелепо вцепились в шаль. – Ты уезжаешь?

Он отвернулся от нее и с воплем соскочил в шлюпку.

«Наляжем на весла, помчимся, как черти».

Шлюпка заскользила по воде, и он исчез.

Неожиданно, призывая на вечернюю молитву, зазвонили колокола Лэнокской церкви.

Обычно они звучали светло и мягко, навевая покой и умиротворение, но сейчас гремели громко и яростно. Страшные, монотонные, неумолимые в своем нескончаемом призыве, звучали они в ушах Джанет, сливаясь в дикое смешение звуков.

Томас подошел к ней и взял за руку.

– Тебе дурно, дорогая? – ласково спросил он. – Не тревожься за парня. Уверен, он скоро встанет на ноги.

Не в состоянии вымолвить ни слова, она молча покачала головой и закрыла уши руками.

– Это всё колокола! – неожиданно воскликнула она. – Неужели они никогда не умолкнут, никогда?

Дети с любопытством смотрели на мать.

– Мама, дорогая, идем в церковь, – сказала Мэри, – и все вместе помолимся, чтобы Джо вернулся к нам целым и невредимым.

Томас достал часы.

– Пора отправляться, – неуклюже начал он. – Насколько я помню, мы за всю нашу жизнь ни разу не опаздывали.

Они стояли у причала, кучка добрых, нерешительных людей, которые далеко не одинаково воспринимали случившееся.

Джанет запахнула накидку и застегнула ее под подбородком.

– Нет. Мы не должны опаздывать.

Покинув порт, они свернули к холму. Колокола ненадолго смолкли, но их сменил другой звук, на сей раз доносившийся из гавани, – лязг и скрежет цепей. «Фрэнсис Хоуп» поднимала якорь.

Кумбе поспешили к ведущей через поля гати. Они старались говорить легко и естественно, но все видели молчаливое горе матери. Бедняга Томас, желая взбодрить и утешить ее, сделал только хуже.

– Хм. Что ж, нам, конечно, будет не хватать парня в доме, его голоса. Без него дом покажется совсем другим.

Колокола снова зазвонили, резко, настойчиво.

Джанет старалась не допускать этот звук в свои мысли, старалась вообще ни о чем не думать. Стояла осень, ее и Джозефа любимая пора. Хлеба созрели и были убраны, осталось лишь короткое, колючее жнивье, которое цеплялось за ноги. Кусты шиповника и боярышника были усеяны красными плодами, в садах Плина клонили долу свои гроздья пунцовые фуксии. Внизу, в Полмирской долине, под Лэнокской церковью, золотистый папоротник доходил до пояса и мягкий лишайник льнул к стволам деревьев. С ферм пахло навозом и горьким дымом, поднимавшимся над кострами, на которых сжигали опавшие листья. Набухший ручей с громким журчанием бежал по плоским серым камням. Вечер был пасмурный и холодный, с реки начинал подниматься туман, и его первая взвесь висела в воздухе. В ветвях вяза подле церкви пел дрозд, и в его осенней песне звучали ноты более сладкие и щемящие душу, чем весной.

У церковных ворот все члены семьи Кумбе обернулись и посмотрели на гавань. Корабль был уже далеко от земли, и все паруса подняты. Его нос был обращен к горизонту, Плин остался позади. Еще немного, и в наступающих сумерках земля за его кормой станет похожей на размытое пятно и все огни поглотит тьма.

– Вот Джозефа уже почти и не видно, – вздохнул Томас.

Корабль птицей скользил по гладкой, спокойной воде. Колокола замолчали. Джанет Кумбе первая вошла в церковь, муж и дети последовали за ней. Всю службу она была молчалива и безучастна.

Луч заходящего солнца осветил западные окна. Она знала, что этот же луч пересекает путь уплывающего корабля. В маленькой церкви царили мир и покой. Простояв века, она все еще хранила следы присутствия людей, которые преклоняли в ней колени в давно ушедшие времена. Ее камни были истерты коленями смиренных, ныне покоящихся в могилах прихожан, чьи имена погребены и забыты. Придет день, и те, кто молится здесь рядом с Джанет, в свой черед обретут такой же ничем не нарушаемый покой.

Сейчас вслед за священником они шепчут молитвы. Джозеф на своем корабле думает о преклонивших колени в Лэнокской церкви и о бледном лице матери, обращенном к стрельчатому окну.

«Фрэнсис Хоуп» плыла вперед, подняв высоко над морем свою корму, и свежий ветер свистел в ее надутых парусах.

В Лэнокской церкви громкие голоса поющих уносились под старые своды, и приглушенное эхо вторило и им, и печальным звукам органа:

Иисус, любовь моя!
Охрани своей рукою,
Ибо волны бытия
Подступают, грозно воя.
Огради и защити,
Мой единственный Спаситель,
И прими в конце пути
Душу в мирную обитель.

Джанет пела вместе со всеми, но сердцем была далеко и от звуков гимна, и от людских голосов, и от склоненных голов, и от мерцающих свечей. Видела она только звезды небесные да корабельные огни на глади пустынного моря.

Глава двенадцатая

Месяц за месяцем Джанет старалась приучить себя к отсутствию Джозефа. Первое время после его отъезда все человеческие чувства, казалось, покинули ее. У нее было такое ощущение, будто она умерла и некое механическое существо завладело ее членами, ее головой и продолжало жить ее жизнью в тех же узких пределах, что и прежде. Ее тело было теперь лишь пустой оболочкой, чувства покинули его. Внешне эта перемена была почти незаметна, разве что голову она держала еще выше, пытаясь скрыть свое горе под покровом гордости.

При всех ее заявлениях и уверенности в том, что физическое расставание для них с Джозефом ничего не значит, терзалась и мучилась она именно от жажды его близости, его присутствия. В каком бы месте Плина она ни бродила, ей казалось, что она ступает по оставленным им следам.

Холмы и скалы хранили отзвуки его голоса, его приметы были в сыром песке у кромки воды и в набегающих на берег волнах. Куда бы она ни пошла, везде искала она какой-нибудь оставленный им знак, словно в местах, где он бывал, заключалась для нее двойная пытка, приносившая ей горькое утешение.

Ночи были длинны и томительны. Час за часом, не смыкая глаз, Джанет проводила рядом со спавшим тяжелым сном Томасом, она поворачивала голову на дуновение воздуха, проникавшего через занавешенное окно, и высматривала белую звезду на темном покрове затянутого тучами неба. Она старалась перенестись через пространство на корабль в далеких водах и встать рядом со своим ненаглядным, который держит ночную вахту на безмолвной палубе. Она знала, что душой и мыслями он с ней, но этого было для нее мало. Она проклинала слабость своей плоти, изголодавшейся по его близости и его прикосновению, сражалась с потребностью глаз постоянно видеть его. Прикоснуться к его рукам, к его телу, которое было частью ее самой, вдохнуть знакомый запах моря, земли и солнца, которыми пропитана его одежда, ощутить вкус соленой воды на его коже... Вот к чему она стремилась, но все это у нее отняли, оставив ее жить в полусне, превратив ее в призрак женщины.

Дом, который она для него создала, был пуст и лишен тепла, лишен самой причины своего существования.

В Доме под Плющом жизнь шла своим чередом, и новые события вписывались в ее повседневный ход.

По воскресеньям Сэмюэль задерживался у садовой калитки таможенника Сайласа Трехурста, и в половине четвертого дня дочь таможенника Поузи появлялась на тропинке; после неловкого обмена несколькими фразами калитка захлопывалась, и мисс Поузи отправлялась вверх по холму, опираясь на руку Сэмюэля.

Верный Герберт помогал брату в трудном деле составления любовных записок, и вечерами эта парочка часто сидела в углу гостиной с перьями, бумагой и чернилами. Сэмюэль, нахмурясь, сражался с правилами правописания, а Герберт тем временем всячески ободрял брата и рылся в словаре в поисках нужного слова.

Мэри не проявляла ни малейшего интереса к молодым людям Плина и предпочитала заниматься домом, всегда готовая выполнить любое желание отца и матери.

В один прекрасный день Филипп за обедом объявил о своем намерении поступить рассыльным в судовую контору Хогга и Вильямса в Плине.

Отец в недоумении посмотрел на него.

— Ты не хочешь вместе с братьями работать на верфи? — спросил он, озадаченный решением сына.

– Нет уж, благодарю, – невозмутимо ответил Филипп. – Я уже переговорил с мистером Хоггом, и он готов меня взять. Первое время плата будет невелика, но, если я ему подойду, он ее повысит.

– Господи помилуй, – сказал отец, откидываясь на спинку стула. – Вот так пойти и самому все устроить. – Он втайне гордился независимостью сына.

– А ты что скажешь, Джанет? – Томас посмотрел на жену.

– Я думаю, Филипп знает, что ему нужно, – ответила Джанет. – По-моему, он всегда будет идти по жизни своей собственной дорогой и получать то, что ему нужно. Не знаю только, принесет ли это ему счастье.

Она взглянула на младшего сына, русоволосого, с узкими, глубоко сидящими глазами. Филипп поднял на нее взгляд и снова потупился. Джанет уже давно чувствовала в нем скрытую антипатию и к себе самой, и ко всему, что она любит. Собственное дитя заронило зерно сомнения и страха в ее сердце. С неуверенностью и чем-то похожим на ужас смотрела она в отдаленное будущее. Но, вернувшись мыслями в настоящее, она стала думать о Джозефе, которого отделяло от нее бескрайнее море. Успеет ли он вернуться ко дню ее рождения в апреле? Ему всегда доставляло ни с чем не сравнимую радость проводить этот день наедине с ней. Они использовали его как предлог для первого в году пикника.

Конечно, весной Джозеф вернется в Плин. Время от времени она получала от него весточки из огромных портов, разбросанных по всей Америке, и тогда ходила, крепко прижав к себе письмо – ведь оно было частью его самого. То были необыкновенные, страстные письма, дышавшие любовью к морю, восхищением жизнью, которую он ведет. В них говорилось о выпадающих на его долю трудностях, о суровой погоде, о не прекращающейся с утра до ночи работе, которая не оставляет времени на размышления, о схватке со штормом, налетевшим на них в центре Атлантики, когда его товарищи боялись неминуемого конца, а сам он, промокший, уставший, измученный болью во всех членах, испытывал восторг и молитвенное преклонение перед тяжелым и опасным призванием, которое ему посчастливилось избрать. Но, несмотря на все это, он чувствовал, что ему недостает ее, недостает ежедневно, ежеминутно. Он писал, что упорно работает, с пылом вникая в каждую мелочь, чтобы как можно скорее стать настоящим моряком. Капитан Коллинз обучал его навигационной науке, и Джозеф был уверен, что в недалеком будущем это поможет ему получить удостоверение второго помощника, но прежде, согласно правилам министерства торговли, ему надлежит провести четыре года юнгой. Надо набраться терпения и ждать. Какой бы новый вид ни открывался перед его глазами, он всегда думал о ней и страстно желал, чтобы она была рядом и разделила с ним его чувства. По ночам он искал звезду, которая, по его расчетам, может светить в Плине над ее головой, и молил эту звезду хранить ее до его возвращения.

Так все первые месяцы года Джанет жила в ожидании письма с известием о том, что в апреле он вернется. Наконец пришло письмо, в котором не говорилось о точной дате его возвращения, зато была приписка: «В кубрике висит календарь, и 10 апреля я отметил на нем красным крестом. Когда мои товарищи спросили, что это значит, я ответил, что к этому дню должен быть в Плине, потому что дал слово женщине моего сердца, и никакие шторма Атлантики не помешают мне его сдержать».

Это было последнее письмо, которое получила Джанет, и март уже подходил к концу. В Плине со дня на день ожидали возвращения «Фрэнсис Хоуп». Теперь Джанет каждый вечер поднималась к развалинам Замка и, заслонив рукой глаза от солнца, ждала, не появится ли на горизонте белый парус.

Иногда с ней приходила Лиззи или, если выдавалось свободное время, один из мальчиков, а однажды рядом с женой стоял Томас, горделиво разглядывая море в подзорную трубу, купленную специально для этого случая.

Девятого апреля Джанет, чувствуя тяжесть на сердце, поднялась на вершину холма и два часа простояла у развалин стены; восточный ветер развеивал ее волосы и юбки, далеко внизу разбивались о скалы зеленые волны с белыми барашками.

Это означало, что из-за встречного ветра кораблю будет нелегко подойти к Плину. Она все ждала и ждала, но вот солнце, подобно гонимому ветром огненному шару, скрылось за слоистыми облаками, над трубами закурился дым, в домах зажглись лампы, и сумерки сгустились над Плином, скрыв море от ее глаз.

«Фрэнсис Хоуп» так и не пришла. Тогда Джанет повернулась спиной к морю и стала спускаться по крутому холму туда, где вдоль сточных канав, вынюхивая пищу, бегали собаки, шумно играли дети, а в дверях домов стояли мирные, довольные своим уделом люди без лишнего бремени на плечах и морщинок под глазами.

В Доме под Плющом через занавеси пробивался свет, над трубой вился дым. Муж и дети ждали ее, стол был накрыт к ужину.

На стене тикали часы, все было как всегда. Она смотрела на их славные, счастливые лица, слушала беззаботные разговоры, в которых не было и тени беспокойства.

«Они мои, — думала она, — а я их. Но сердце мое заключено в недрах раскачиваемого волнами корабля, а мысли целиком принадлежат моему любимому».

Вечер кончился, огонь в камине почти угас, свечи догорели. Дети разошлись по своим комнатам, и Джанет снова легла рядом с Томасом на кровать, которую они делили уже почти двадцать пять лет. Она вновь видела себя молодой женой, прижавшейся к его сердцу и обвинявшей руками его шею, а ведь ему было уже около пятидесяти, и лицо его, покоившееся рядом с ней на подушке, покрывали морщины — следы прожитых лет.

Возможно, момент жизни бесконечен, и даже сейчас ее молодость продолжает безмятежно спать в объятиях Томаса где-то там, на другом временном уровне, как неумирающая зыбь на поверхности спокойной воды.

Почувствовав прилив тихой нежности к мужу, она взяла его руку и приложила к своему сердцу.

Но он что-то глухо пробормотал, беспокойно шевельнулся во сне и, тяжело вздохнув, повернулся к ней спиной. Тогда Джанет осторожно отвела его руку и, посмотрев на свет, пробивающийся сквозь занавеси, увидела ту самую звезду; у нее отлегло от сердца, и она спокойно заснула.

Перед самым рассветом ее разбудил какой-то слабый звук: что-то ударилось об оконную раму. Она села на кровати, увидела крадущийся в комнату серый рассвет и плоский серый камушек, лежащий у ее ног.

Через мгновение, не обращая внимания на холод, она уже высунулась из окна. Две темные, как у молодой девушки, косы обрамляли ее лицо.

Он стоял в тени дома, держась рукой за толстый стебель плюща и подняв лицо к окну. — Джозеф, — прошептала она. — Джозеф.

Он стоял, не говоря ни слова и глядя на пламя, озарившее ее глаза.

— Думала, я забыл о твоём дне рождения? — тихо произнес он. — Разве я не поклялся, что мы бросим якорь в Плинской гавани, прежде чем солнце встанет над Полмирским холмом и золотые лучи зажгутся на колокольне Лэннокской церкви? «Фрэнсис Хоуп» цела и невредима и уже целый час как здесь. Мы с рассветом входим в спящую гавань, а ты, забыв обо всем, лежишь себе в кровати.

Он смеялся, подшучивая над ней, а когда она покачала головой и в уголках ее глаз заблестели слезы, ухватился за толстые стебли плюща, вьющегося по стене дома, и поднялся по ним к окну, где она ждала его, не в силах сдвинуться с места.

Так Джозеф вернулся к Джанет, как и обещал ей, весной.

Глава тринадцатая

После первого расставания их было много... и много возвращений.

Для Джозефа пора отрочества миновала, и было слишком поздно сворачивать с пути, который он для себя избрал. К тому же эта мысль никогда и не приходила ему в голову, ведь он был уверен, что создан для моря, что любая другая жизнь не для него. Но всякий раз, покидая Джанет, он видел в ее глазах страдание, а по возвращении ввалившиеся щеки матери и тени под ее глазами говорили ему слишком о многом.

Вот бы забрать ее с собой! Если он будет овладевать мастерством со всей энергией и упорством, на какие способен, то постепенно займет самое высокое положение, и тогда ему ничто не помешает вручить Джанет свой капитанский диплом и пригласить ее на борт своего собственного корабля.

Во время одной из кратких побывок в Плине он шепотом поведал ей об этом желании; она верила ему и смотрела в его глаза, зная, что никакая сила не способна заставить его отказаться от своей мечты.

Они говорили о корабле, который надо для нее построить, о прочности его шпангоутов¹¹, на которые пойдут деревья из самого Труанского леса. Но еще не время, возможно, лет через шесть или десять этот корабль построят его отец и братья, и тогда Джанет станет его душой, а Джозеф капитаном. А тем временем они видели его в своем воображении, рисовали огрызком старого карандаша, подсчитывали размеры и грузоподъемность, прикидывали рангоут¹² и такелаж, построй парусов. Об этом плане сообщили Томасу и сыновьям, и те пришли в восторг при мысли о корабле Кумбе под командованием Кумбе, который принесет им из дальних стран богатство и славу. У себя в мастерской Томас сделал модель корабля и с гордостью представил ее восхищенным взорам всего семейства. На строительство должна была пойти часть денег, которые Томас скопил с тем, чтобы после его смерти они были разделены между сыновьями. Об этом решении он торжественно объявил однажды в воскресенье в присутствии Джанет и всех детей, после чего перед Богом поклялся, что, как только выдастся свободное от срочной работы время, он и его сыновья построят корабль, который назовут в честь дорогой матери и возлюбленной жены.

Сказав это, он поставил перед ними модель и, взяв в руки нож, вырезал на ее корме слова: «Джанет Кумбе – Плин».

Затем он от души высморкался, поцеловал жену и обеих дочерей в щеки и пожал руки сыновьям.

– Мы вложим в его строительство все наше умение, – с чувством сказал Томас, – Сэмюэль, Герберт и я. Будем надеяться, что он станет первым кораблем, на который Джозеф поднимется в качестве капитана, и да поможет ему Бог всегда приводить его в порт целым и невредимым! А Филипп тем временем, глядишь, порадеет за наши интересы в фирме Хогга и Вильямса.

Таким образом, в будущем судне у каждого была своя доля, и все теперь жили в ожидании того дня, когда их корабль выйдет из дока в Плинскую гавань не призрачной мечтой, а живой реальностью.

Счастливые и довольные собрались они в гостиной вокруг фисгармонии Мэри, чтобы слить свои голоса в благодарственной молитве.

¹¹ *Шпангоуты* — поперечные балки, ребра жесткости корпуса судна, служащие основой для обшивки.

¹² *Рангоут* — совокупность надпалубных частей судового оборудования (мачты, реи и пр.) для размещения судовых огней, постановки парусов, крепления грузоподъемных средств.

Мэри сидела за инструментом, устремив торжественный взгляд на лежащую перед нею Псалтирь; Томас стоял у нее за спиной, высоко подняв голову и положив руки на плечи младшей дочери. Рядом с ним стояли его рослые сыновья, и возвышавшийся над всеми Джозеф поверх их голов улыбался Джанет, тезке корабля, а та отвечала ему взглядом. Так начался земной путь корабля «Джанет Кумбе», хотя в Труанском лесу еще не повалили ни одного дерева и показать можно было только модель, которая стояла на столе в гостиной.

Время текло в Плине медленно, однообразно, год проходил за годом, лишь изредка принося сколько-нибудь значительные события и перемены. Сэмюэль женился на хорошенькой Поузи Трехурст и переехал с женой в небольшой коттедж, стоявший в нескольких шагах от Дома под Плющом, обосновавшись рядом со своей семьей и неподалеку от верфи. Венчались они, как некогда Томас и Джанет, в Лэнокской церкви, и, глядя на светловолосого сына, стоящего перед алтарем рядом с невестой, Джанет вздохнула о безвозвратно ушедших днях.

Вылитый Томас, каким тот был двадцать пять лет назад, с длинными, заплетающимися ногами, вечно ступавшими не туда, куда надо, с серьезными круглыми синими глазами. «Джени, – говорил он ей тогда, едва сдерживая дрожь, – Джени». Но сейчас рядом с ней стоял на коленях сгорбленный, болезненный пожилой человек и поверх очков вглядывался в молитвенник, а на том месте, где он переминался тогда, – их взрослый сын, которого она когда-то качала на руках.

Сквозь пелену глупых слез она смотрела на Сэмюэля и видела не сильного, гордого жениха, а широкую дорогу за плинскими полями и бегущего к ней маленького плачущего мальчика в разорванной курточке.

Почему Поузи выбрала для венчания именно этот псалом? Джанет пела вместе со всеми и за окном видела кладбище с неухоженными надгробиями, поросшее высокой травой...

Уносит нас река времен —
Его, тебя, меня.
Мы все уйдем, как должен сон
Уйти с приходом дня.

Не сознавая иронии этих слов, Сэмюэль и Поузи пели перед алтарем, они держались за руки, и мысли их были полны надежд и ожиданий. Спокойная любящая пара, которой не познать ни божественной страсти, ни глубин великого горя, и Джанет всем сердцем благословляла их.

Тем временем и остальные дети становились взрослыми.

Мэри продолжала жить с родителями и даже не помышляла о замужестве, тогда как Герберт, вдохновленный примером старшего брата, стал ухаживать за кузиной Поузи, Элси Хоскет. Однако обвенчаться они могли не раньше 1858 года, когда Герберту исполнится двадцать один.

Филипп из рассыльного в фирме Хогга и Вильямса уже поднялся до клерка. Он был по-прежнему тих и незаметен, все так же много работал, и собратья-клерки если и не любили, то уважали его.

Джозеф подолгу отсутствовал, и Джанет была рада, что рядом с ней есть существо, которое по складу мыслей хоть немного похоже на него. Лиззи была веселой, жизнерадостной девушкой, далеко не глупой, но для ее возраста в ней сохранилось еще много детского.

Со временем у Сэмюэля и Поузи, к их великой гордости, родились дочери-близнецы; их называли Мэри и Мартой. Держа своих первых внуков на руках и размышляя о том, что ждет их в будущем, Джанет переживала странные, непривычные чувства. Как изменится Плин к тому времени, когда эти малютки станут старухами? Много ли любви, много ли

страданий выпадет на их долю? Что-то подсказывало ей, что их жизнь будет спокойной и безоблачной и что все у них будет хорошо.

На темной голове Джанет по-прежнему не было ни одного седого волоса, ни одна морщинка не легла на ее лицо, но постоянные отъезды Джозефа давали о себе знать, и, хоть ей не было и пятидесяти, постоянное нервное напряжение сказалось на ее здоровье, пульс малопомалу слабел, сердце изнашивалось и устало, хотя сама она этого еще не знала. Поднимаясь по холму к скалам, она часто чувствовала головокружение, и ей приходилось останавливаться на полпути; она недоумевала, отчего у нее стучит в висках и почему ей так трудно дышать. Врач, внимательно выслушав ее сердце, покачал бы головой, озабоченно нахмурился и прописал бы какое-нибудь успокоительное лекарство, хоть оно и не могло ее вылечить. Но Джанет Кумбе не любила врачей и не верила им, а потому не имела ни малейшего представления о том, что месяц за месяцем становится все слабее, что ее сердце слишком утомилось от жизни и любое сильное потрясение – будь то радость или горе – станет для нее концом.

Единственное, ради чего она жила, – это момент, когда спустят на воду корабль, названный ее именем, и день, когда Джозеф получит диплом капитана. Когда он бывал в Плине, он проводил рядом с ней каждый свободный час, каждую минуту, но им все равно не хватало времени. Он уже служил вторым помощником на «Фрэнсис Хоуп», затем, выдержав экзамены, к своей великой радости, был рекомендован капитаном Коллинзом первым помощником на борт «Эмили Стивенс». Заветный день маячил на горизонте, Джозеф писал Джанет письма, полные любви и энтузиазма, в них он уверял отца и братьев, что настало время закладывать новый корабль. Но у Томаса и его сыновей на руках был целый список заказов, и они ждали того момента, когда, освободившись, смогут все свое время посвятить обещанному кораблю, пустив на его строительство лучшие материалы и вложив в работу все свое умение и сноровку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.